

№ 4 (28) 2019
ISSN 2305-8838

У ч е н ы е   з а п и с к и
Н а ц и о н а л ь н о г о
о б щ е с т в а
п р и к л а д н о й
Л И Н Г В И С Т И К И

**Национальное общество прикладной
лингвистики (НОПриЛ)**

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
НАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

**Научно-исследовательский
журнал**

№ 4 (28)

**МОСКВА
2019**

УДК 81'33(063)

ББК 81.1я431

У 91

Главный редактор:

д. филол.н., профессор С.Г. Тер-Минасова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

Заместитель главного редактора:

д.филол.н., доцент Н.А. Ахренова (ГСГУ, г. Коломна)

Технический секретарь:

А.И. Казина

(ГБПОУ МО «Колледж «Коломна»)

Редакционная коллегия:

д.филол.н., профессор Л.И. Богданова (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.филол.н., профессор Т.Г. Добросклонская (МГУ имени М.В. Ломоносова)

к.культ., доцент О.Ю. Иванова (РосНОУ, г. Москва)

д.филол.н., профессор О.М. Карпова (ИГУ, г. Иваново)

д.филол.н., доцент М.И. Киосе (Институт языкознания РАН)

к.филол.н., доцент О.А. Ксензенко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.филол.н., доцент Л.Н. Лунькова (ГСГУ, г. Коломна)

д.филол.н., профессор А.Л. Назаренко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.филол.н., профессор Л.В. Полубиченко (МГУ имени М.В. Ломоносова)

д.п.н., профессор И.И. Саламатина (ГСГУ, г. Коломна)

Robert Ilson (University College London)

Zhong Weihe (Guangdong University of Foreign Languages)

профессор Ян Кэ (Университет иностранных языков и внешней торговли, г. Гуанчжоу)

**У 91   Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. М.:
НОПриЛ, 2019 – 108 с.**

ISSN 2305-8838

Материалы журнала содержат статьи, посвященные актуальным проблемам изучения и преподавания родного и иностранного языков, межкультурной коммуникации, перевода и другим аспектам современной лингвистической и педагогической наук.

ISSN 2305-8838

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
(Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор))

ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 г.

Учредитель Национальное общество прикладной лингвистики. Адрес учредителя: 127572, Москва, ул. Новгородская, д. 22, к. 3, Председатель редакционной коллегии проф. Тер-Минасова С.Г. Подписано в печать 27.11.19. Формат 60х90/16. Усл.печ.л. 20,8. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

© Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ)

© Авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

<i>СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА</i>	
Беляков М.В. Ирония в дипломатической речи	7
Крюкова О.П. Речемыслительная деятельность «человека играющего» (прикладное лингвокультурологическое исследование игры «Хитрец против Простака»)	17
Хроменков П.Н. «Язык вражды» в комиксах: анализ вербальной агрессии	25
Шевырдяева Л. Н. Лингвокультурная категория приватности в судебном дискурсе (на материале решений Верховного суда США)	32
<i>ТЕОРИЯ ЯЗЫКА</i>	
Бахтуева Е.С. История изучения цитат в отечественной лингвистике: краткий обзор	41
Свиридова Л.К. К вопросу о сущности лингвистической категории тождества	50
<i>ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ</i>	
Борисова Л.И. Специализированный словарь для переводчиков	59

Данилова Д.Д., Касаткина Н.Н. Анализ употребления слова «game» в газете Daily Mirror на основе номинативного поля концепта	64
Ли Ан Культурно-языковые ценности русских пословиц в восприятии китайцев-русистов	70
Хасанова З.С. Основные виды семантических оппозиций, реализующихся в рамках англоязычной терминосистемы сферы искусства	85
<i>ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ</i>	
Тер-Минасова С.Г. Национальные языки и культуры в глобализирующемся мире: английский язык и культура в русском языке	93
Список авторов	102

CONTENTS

<i>STYLISTICS AND DISCOURSE ANALYSIS</i>	
M. Belyakov Irony in diplomatic speech	7
O Kryukova Verbal and cognitive activity of ‘the person playing’ (applied lingvocultural study of “Sly vs Gawk” game)	17
P. Khromenkov Hate speech in comics: verbal aggression analysis	25
L. Shevyrdyaeva Privacy as a linguocultural category of the judicial discourse: a case study of the Supreme Court of the United States	32
<i>THEORY OF LANGUAGE</i>	
E. Bakhtueva Study of quotations in Russian linguistics – a brief overview	41
L. Sviridova To the question about the essence of the language category of identity	50
<i>LEXICOLOGY. LEXICOGRAPHY</i>	
L. Borisova Specialized dictionary for translators	59

D. Danilova, N. Kasatkina Analysis of the use of the word "game" in the Daily Mirror newspaper based on the nominative field of the concept	64
A. Li Liguocultural values of Russian proverbs in the perception of Chinese students of Russian	70
Z. Khasanova The main types of semantic oppositions realized within the framework of the English terminological system of the sphere of art	85
<i>LANGUAGE, CULTURE, COMMUNICATION</i>	
S. Ter-Minasova National languages and cultures in the globalizing world: the English language and culture in Russian	93
List of authors	102

СТИЛИСТИКА И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

Беляков Михаил Васильевич
Mikhail Belyakov

Ирония в дипломатической речи

Irony in diplomatic speech

Аннотация: В статье рассмотрены особенности реализации эмотивности дипломатического текста средствами иронии на примере речи Постоянного представителя России в ООН В.А. Небензи. Выделены основные средства, характеризующие эмотивность особого жанра дипломатических речей – выступление на Совете Безопасности ООН, и формирующие общий ироничный стиль текста, а именно драматическую иронию. Определены лингвопрагматические свойства выступлений подобного рода.

Abstract: The article deals with peculiarities of diplomatic text emotivity by means of irony by the example of the Permanent Representative of Russia to the United Nations speech V.A. Nebenzia. The basic means describing emotivity of a special genre of diplomatic speeches - speeches during session of the UN Security Council and forming the general ironic style of the text, namely drama irony are allocated. Linguopragmatic properties of such speeches are determined.

Ключевые слова: дипломатическая коммуникация, эмотивность, ирония, Постоянный представитель РФ в ООН

Key words: diplomatic communication, emotivity, speech, irony, Permanent Representative to the UN

За последние десятилетия миропорядок претерпел заметные изменения. Меняется отношение к сложившимся и устоявшимся нормам международного права, поведение лидеров стран в рамках международной политики и, в том числе, меняется вербальная составляющая дипломатической коммуникации, обеспечивающей эту сторону взаимодействия государств.

Российские дипломаты представляют страну на всех уровнях и участвуют в разных формах многостороннего межгосударственного взаимодействия: переговорах, конференциях, международных организациях и мн. др., при этом работа в международных организациях является важнейшей составной частью функционирования всего дипломатического механизма России – международные организации являются высшей формой многосторонней дипломатии [Торкунов, 2017,

с.110]. Одной из международных организаций, где обсуждаются наиболее серьезные внешнеполитические вопросы и принимаются решения, значимые для всех стран мира, является Организация Объединенных Наций. В Вене 14 марта 1975 г. была подписана Конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера, где были определены важнейшие нормы, связанные с составом постоянных представителей, их правами и обязанностями.

Основные функции Постпредства России при ООН очень широки, например, оценка реакции стран-членов на происходящее в мире, защита национальных интересов, реализация внешнеполитического курса Российской Федерации в рамках ООН; широкое освещение российской внешней и внутренней политики как внутри ООН, так и вне ее; разъяснение позиций Российской Федерации при голосовании в Совете Безопасности ООН; подготовка позиций Правительства РФ по всем обсуждаемым вопросам; изложение этих позиций в соответствующих органах ООН и др. Все эти задачи и функции предполагают проведение вербальной дипломатической коммуникации по определенным правилам. Лицом, в прямом и переносном смысле, этой коммуникации, является Постоянный представитель России при ООН, которого на неопределенный срок назначает Президент РФ. С 2017 г. эту должность занимает В.А. Небензя. Позиция Постоянного представителя чрезвычайно важна – он руководит всей деятельностью представительства, участвует в работе наиболее важных органов ООН при обсуждении самых сложных и особенно интересующих Российскую Федерацию вопросов [Торкунов, 2017]. На него возлагается произнесение наиболее ответственных заявлений от имени российского руководства.

Тексты таких заявлений представляют собой сложный образец документа – с одной стороны, такие тексты должны быть точны, строго структурированы, эксплицитны. Но, с другой стороны, если заявление произносится на Совете Безопасности ООН, который собирается, как правило, по самым острым вопросам мировой политики, избежать повышенной эмотивности выступления бывает крайне сложно.

Как мы писали в [Беляков, 2015; 2017], эмотивность и оценочность дипломатических выступлений выражается разными способами. Так, оценочность бывает открытой и скрытой. Обычно для дипломатического дискурса предпочтительна скрытая оценочность, но, как выясняется, не для речей на заседаниях Совета Безопасности (СБ) ООН, где, по сути, происходит эмоциональное вербальное противостояние.

В речи профессиональных дипломатов, выступающих даже на самом высоком уровне, в частности, на заседаниях Совета Безопасности ООН, в ситуации повышенного уровня эмоций, используются такие приемы, которые ранее использовать не допускалось. К ним относится, в том числе, и ирония, способная выражать как эксплицитную, так и имплицитную оценку.

Отметим, что Е.В. Полякова выделяет несколько типичных способов экспликации оценки: высказывания, содержащих прямую оценку прямо названного объекта, выраженную с помощью общеоценочных слов; высказывания, в которых отношение к предмету речи оказывается маркировано с помощью междометных восклицаний, имеющих негативно оценивающие коннотации; высказывания, в которых отрицательная оценка выражается с помощью частнооценочной лексики; высказывания, негативная оценка в которых отражена через использование устойчивых выражений, пословиц и поговорок, связанных в сознании носителей языка с определенными негативно оцениваемыми ситуациями, имен нарицательных, соотносимых с определенными отрицательно оцениваемыми явлениями; высказывания, в которых описывается состояние адресата, свидетельствующее о его оценке определенного положения дел, послужившего причиной этого состояния; высказывания, содержащие несколько различных типов экспликации отрицательной оценки [Полякова, 2001].

Что касается типичных средств импликации негативной оценки, то выделяются следующие: 1) восклицания, с помощью которых пишущий фокусирует внимание адресата на определенном событии или ситуации; 2) различного рода сопоставления негативно оцениваемой ситуации с иными (аналогичными или противопоставленными ей в каком-либо аспекте) ситуациями; 3) акцентирование внимания на

определенной ситуации с помощью простого ее упоминания с опорой на пресуппозицию, а также с помощью отсылки к тому, что адресату известно об ожиданиях пишущего в соответствующей ситуации; 4) использование косвенных способов (в частности – «имитации» угрозы) для указания на негативную оценку ситуации [Полякова, 2001].

Использование иронии как одного из оценочных инструментов в дипломатических выступлениях определяется рядом сложных факторов. К.М. Шилихина [Шилихина, 2014], говоря об иронии, как дискурсивной практике, предлагает учитывать следующие параметры для описания иронии: отсутствие корреляции между высказыванием и ситуацией, игра / притворство говорящего, рациональность действий говорящего, наличие имплицитной оценки, одновременная апелляция говорящего к эмоциям и разуму адресата, возможность металингвистического комментирования говорящим собственных речевых действий в момент речи и ряд других. Отметим, что ирония в современном понимании трактуется по-разному: с одной стороны, это широко известный языковой инструмент, троп, основанный на понятии антифразиса, когда говорится нечто, антонимичное по смыслу имеющемуся ввиду, с прагматической целью, как правило, имплицитной критической оценки. С другой стороны, ирония рассматривается как коммуникативная практика и может выражаться не только таким способом – она может быть реализована с помощью восклицаний, комментариев, прецедентных имен, интертекста или риторических вопросов.

Особую роль играет ироническая интенция говорящего, определяемая в большинстве случаев прагматическими соображениями, особенно в публичных выступлениях, где говорящий может намеренно использовать иронию для выражения скрытых смыслов, чаще всего эмотивных и требующих определенной интерпретации. Когда речь адресована широкой аудитории, можно говорить о «драматической иронии».

Рассмотрим использование иронии как средства оценки на примере выступления Постоянного представителя РФ В ООН В.А. Небензи после процедурного голосования на заседании СБ ООН по украинскому закону «Об обеспечении

функционирования украинского языка как государственного» 20 мая 2019 г. [Постоянное представительство РФ при ООН. Электронный ресурс]. Сам по себе вопрос о статусе русского языка на Украине сложен и болезнен, а принятый Украиной закон о функционировании украинского языка по факту запрещает использование русского языка на территории Украины, предлагается даже создать лингвистическую полицию, отслеживающую выполнение нового закона. Всё это нарушает права русскоговорящих граждан Украины и нормы международного права, поэтому Россия не могла остаться в стороне от этой проблемы. Точка зрения России на этот вопрос известна и была неоднократно эксплицитно выражена, но выступление В.А. Небензи благодаря иронии и подчас сарказму получилось особенно эмоциональным. Контаминация общепринятых дипломатических клише с ироничными высказываниями позволяет усилить эту яркость. Выступление В.А. Небензи состояло из двух частей – подготовленной речи и спонтанной речи как реакции на комментарии представителей Великобритании и ФРГ.

Подготовленная речь выступления на СБ ООН, основные инструменты эмотивности:

1. Традиционные дипломатические клише: *проявление двойных стандартов; тема неприятна; грубое нарушение прав и свобод; принять аргументы; входит в компетенцию; посчитали необходимым созвать это заседание; прямо подрывают дух и букву; этот шаг вызвал огромную обеспокоенность; категорически отвергли политику; был особенно чувствителен; сохранить свою идентичность; поспешные решения; спровоцировали центробежные тенденции; призывы быть услышанными; сожалеем* и др.;

2. Использование дискурсивных конструкций: (ряд делегаций) *всё же* пошёл; *уж слишком явно*; у которого, *очевидно*, теперь не будет возможности высказать свою позицию; *и уж совсем* странно слышать; *а ведь* вопрос языковых прав был одной из основных причин, приведших к потере Украиной Крыма и конфликту на Донбассе; чтобы *хоть как-то* придать...; *а на самом деле* эта цифра больше и др.;

3. Разговорные конструкции и квазифразеологизмы: *отговорки и лукавство; не припомню подобных замечаний; подложил своему преемнику еще одну «свинью»; отвергнув львиную долю поправок; русский язык является родным и первым для более чем трети жителей Украины, среди них, кстати сказать, уходящий и новоизбранный президенты Украины; несмотря на все старания майданных властей; фантасмагорические теории; посмеивались; первопричиной нынешней гражданской войны на Донбассе; а по самым скромным подсчетам и др.;*

4. Вопросительные конструкции: *Как вы тогда вышли из положения? Критиковали документ, который даже не читали? Казалось бы: какая связь – язык и Совет Безопасности?*

5. Прямая негативная оценка: *с позором уходящего со своего поста бывшего президента П. Порошенко; придать националистическому «шедевр» цивилизованный вид; президента, искусственно провоцировавшего и культивировавшего вражду с Россией; киевский режим; тотальном отрицании; проклинал советский режим; националистической пеной; обрушились пули и снаряды; депутатов-националистов; жила под оккупацией «Московии» и др.;*

6. Косвенная негативная оценка (ирония): *живя в «обновленной Украине», стали «визитной карточкой», придать националистическому «шедевр»; пограничными в психиатрическом плане людьми и др.;*

7. Неологизмы: *дончанами и луганчанами* [Постоянное представительство РФ при ООН. Электронный ресурс].

Очевидно, что подготовленное выступление ориентировано на широкую аудиторию, шире, чем только члены Совета Безопасности, поскольку заседания СБ ООН транслируются в СМИ, таким образом, кроме обозначенных вербально-стилистических инструментов в коммуникацию включаются дополнительные параметры, ориентированные на визуальное восприятие говорящего. Но, всё же, основной стилистико-семантической характеристикой речи можно назвать «драматическую иронию», суть которой в данном случае состоит в контрастном противопоставлении официального стиля речи и

активного использования оценочных средств разного типа, включая иронию. Отметим, что речь произносилась после процедурного голосования, отрицательный результат которого уже был известен, и сожаление по этому решению В.А. Небензя высказал доступными дипломатическими средствами, но придав при этом тексту речи общий ироничный оттенок.

Спонтанная речь В.А. Небензи после выступления представителей Великобритании и ФРГ характеризуется еще большей степенью ироничности:

1. Традиционные дипломатические клише: *здать риторический вопрос; прошу Вашего согласия завершить выступление; широким спектром контролирующих функций; вмешательство в деятельность; путем истребования внутренних актов на предмет их соответствия установленным правилам; считает необходимым указать на происходящее; языковое самоопределение; комплекса мер по выполнению Минских соглашений; запрещающего преследование и наказание лиц; прочувствовали всю степень разочарования и озабоченности; представители этих общин, сколь бы малочисленными они ни были, проблем с сохранением своей идентичности не испытывают, предлагаю нелицемерно и нелицеприятно дать справедливую оценку; мы не испытываем разочарования и др.;*

2. Использование дискурсивных конструкций: *скажу прямо; не могу не сказать; кстати сказать и др.;*

3. Разговорные конструкции и квазифразеологизмы: *закладывает «бомбу замедленного действия»; закон ставит крест; побольнее уципнуть и др.;*

4. Вопросительные конструкции: *По каким критериям он судит о том...? С чем же придется столкнуться русскоязычным украинцам после вступления в силу нового законодательного акта? Как бы вы восприняли ситуацию, если бы в Брюсселе по какой-то причине вдруг приняли решение о запрете использования в вашей стране французского или фламандского языка? И как среагировали бы на это в Париже или Гааге? А как бы себя повели наши немецкие коллеги, если бы немецкий язык вдруг оказался бы вне закона в Швейцарии? А можно ли представить себе, что в Финляндии окажется вне закона*

шведский язык, которым владеют около 10 процентов населения страны?

5. Прямая негативная оценка: *система драконовских мер; языковая инквизиция; самая прямая атака; откровенным нарушением Конституции; не вписывается в элементарные европейские стандарты; абсурдные для наших с вами общих ценностей примеры; ненужной поляризации; для страны, которая заявляет о стремлении соответствия самым высоким европейским стандартам, подобные шаги недопустимы; дальнейшая деградация; создающей реальный риск гражданского противостояния; не состоялось полноценного обсуждения; лицемерие; посеять вражду и др.;*

6. Косвенная негативная оценка (ирония): *Если вы считаете это нормальным, то русскоязычных украинцев такая ситуация устроить не может; умозрительный; любопытно было бы воспользоваться случаем и спросить; неліцемерно и неліценпріятно и др.;*

7. Неологизмы: *субстантивное выступление; украинизация; «Минск» и др. [Постоянное представительство РФ при ООН. Электронный ресурс].*

В этом фрагменте выступления на СБ ООН также реализуются стратегии, упомянутые выше – сочетание официального стиля (приводится доказательная база с прямым указанием на нарушение пяти статей украинской Конституции) с расширенным использованием средств эмотивности, включая увеличившийся процент высказываний с негативной оценкой, вопросительных конструкций, косвенной оценки и пр. Но особенно ярким получилось завершение речи, насыщенное всеми указанными выше особенностями драматической иронии, за которым скрывается разочарование и раздражение, эксплицитно в дипломатической речи не выражаемое: «И последнее, г-н Председатель, несмотря на то, что сегодня в Совете Безопасности не состоялось полноценного обсуждения запрошенного нами вопроса, *мы не испытываем разочарования*. Своей попыткой не допустить обсуждения вы, господа, лишний раз *продemonстрировали свое лицемерие* в том, что касается обсуждения украинской тематики в СБ, к которому вы нас часто призываете. *Вы почувствовали*, что для ваших украинских

подопечных тема сегодняшнего заседания будет неприятной и в итоге *со всей ясностью высветятся подлинные цели* уходящего украинского руководства: *посеять вражду* между русскими и украинцами, *разделить еще больше* два братских народа. Таким образом вы на глазах у всего мира еще раз подтвердили, что Украина и украинцы *вас не интересуют. Вас беспокоят только геополитические цели*, возможность *побольнее уципнуть* Россию. *Благодарю вас за это от всей души, за столь очевидную демонстрацию двойных стандартов. Благодарю вас»* [Постоянное представительство РФ при ООН. Электронный ресурс].

Коммуникативных функций иронии может быть несколько – нападение и защита, снятие напряжения, развлечение. Все они могут реализоваться в дипломатическом дискурсе. Если судить по рассмотренной речи, то основной функцией иронии в ней является нападение, скрывающее разочарование от итогов голосования. Особенностью данной речи является то, что она иронична в целом и в ней активно реализуется эмотивная составляющая вербальной иронии. И хотя автор речи достаточно эксплицитно высказал свою негативную оценку происходящему, всё же в ситуации, реализуемой в рамках дипломатического дискурса, предпочтительны не прямые способы оценки, в частности, ирония, т.к. даже самая тяжелая коммуникативная ситуация в дипломатии, доходящая до ультиматумов и разрыва дипломатических отношений, должна иметь шанс на выход из кризисной конфликтной ситуации.

Таким образом, можно выделить основные способы имплицирования оценки в речи средствами иронии: подмена стилистически нейтрального слова маркированным синонимом; стилистическая контаминация, создающая стилевое несоответствие и вызывающая ироническое, негативное отношение к описываемой ситуации; использование слов и понятий, функционирующих как стереотипы, которые имеют наряду с денотативным значением некоторый оценочный элемент, особые синтаксические конструкции, включая повторы, вопросительные конструкции, элементы разговорного стиля в официальной речи

Постоянному Представителю приходится совмещать методы и приемы парламентской борьбы и «традиционной» дипломатии для обеспечения решений в национальных интересах России, доводить до сведения стран-участниц российскую внешнюю политику в ООН. Использование в выступлениях на Совете безопасности средств эксплицитной и имплицитной оценочности, включая драматическую иронию как дискурсивную практику, позволяет достигать желаемого результата.

Литература

1. Беляков Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник РУДН. Сер. Лингвистика, 2015 №4 С. 124-132.
2. Беляков М.В., Максименко О.И. Дипломатический дискурс в медиасреде // Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Вильгельм фон Гумбольдт и его наследие: классика и современность». М., 2017. С. 20-24.
3. Полякова Е.В. Отрицательная оценка в русских письмах: дисс. ...канд. филол. наук. Саратов, 2001. 201 с.
4. Шилихина К.М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный семантический и прагматический аспекты: дисс. д-ра филол.н. Воронеж, 2014. 404 с.
5. Торкунов А.В., Панов А.Н. (ред) Дипломатическая служба. М.: Аспект Пресс, 2017. 352 с.
6. Постоянное представительство РФ при ООН. Электронный ресурс URL: <http://russiaun.ru>

Крюкова Ольга Павловна
Olga Kryukova

**Речемыслительная деятельность «человека играющего»
(прикладное лингвокультурологическое исследование игры
«Хитрец против Простака»)**

**Verbal and cognitive activity of ‘the person playing’ (applied
lingvocultural study of “Sly vs Gawk” game)**

Аннотация: В прикладном лингвокультурологическом исследовании описано исследование игры типа «Хитрец против Простака». Автором предлагается формализованная модель игры и методика ее анализа для раскрытия стратегии обмана Жертвы Хитрецом и лингвокультурных средств управления поведением конфликтующих сторон в игре анализируемого типа.

Abstract: In applied lingvocultural research the game the «Sly vs Gawk » is described. The author offers the formalized model of the game and a technique of its analysis for disclosing strategy of a deceit of the Victim by the Sly fellow and lingvocultural means of some control facilities of the conflict behavior of the participants in game of analyzed kind.

Ключевые слова: игра, сценарий, стратегия, истинная ситуация, разыгранная ситуация

Key words: game, script, strategy, the true situation, the played situation

1. Постановка проблемы

В истории человеческих отношений можно увидеть, что игровое поведение человека проявлялось с древних времен. Это различные приемы и хитрости в охоте и рыбалке, чтобы поймать дичь, это и проявления обмана, одурачивания, получения прибыли за счет другого и другие поведенческие проявления. Многие получили отражение в литературе и искусстве. У. Шекспир говорил, что жизнь – театр, и все мы в ней актеры. Идея игры и актерства уже тогда, в его времена, начала осознаться как естественная для человеческого поведения в жизни форма.

В наше время проблема Игрока и его Игры начинает все чаще осознаться как негативно проявляющийся способ взаимодействия между людьми, как проблема, требующая научного изучения. Признаком научного интереса к проблеме стало то, что в течение короткого времени слова «игрок» и «игра» вошли в тезаурусы различных сфер общения и научных областей

знаний.¹ Игра стала изучаться как структура, как математическая модель (прикладная математика), как природосообразная психологии человека форма взаимодействия между людьми (психология).

Инвариантные характеристики игры «Хитрец против Простака»

Для постановки цели данного исследования игры лингвокультурологическими и лингвосемантическими методами важно, что в современном мире наблюдается активное разрастание социальных ролей Игрока – Хитреца в конкретном типе игры, ведущемся на поражение жертвы –Простака. Актуальным становится изучение игры, построенной на обмане.

Типологическими характеристиками этой игры являются следующие. Хитрец может выступать в различных социальных ролях, характеризующихся своим сценарием. В ряду этих ролей: Хитрец а. Вымогатель, б. Карьерист, в. Дискредитатор, г. Теневой руководитель и др.

Эти роли могут быть реализованы в определенных ситуациях взаимодействия. Для а. это, например, «Автоподстава на дороге», для б. это «Коллегиальное псевдосотрудничество», для в. это «Ложное обвинение» и т.д.

Хитрец – один человек (или группа лиц), преследует свои интересы, ставит свои цели по нанесению вреда Простаку (один человек или более), т.е. лишению его Достояний. В качестве Достояний выступают деньги, ценности, престиж или уважение окружающих людей, информация, наработанная в своей профессиональной деятельности, личное благополучие или благополучие семьи, города, страны Простака.

Хитрец находится в разных отношениях относительно Простака. В Подставе на дороге он видит в нем источник денег. В коллегиальном взаимодействии он видит в Простаке источник

---

¹ Интерес к феномену игры и к роли игрока в ней проявляется в математической теории игр [1], в культурологической теории [2], в психологии [3]. Во второй половине 20 столетия в этот спектр кроме вышеназванных вошли политология, экономика, управление, военная сфера холодной войны.

ценной профессиональной информации. В Дискредитации он видит в простаке конкурента, обладающего более высоким престижем, чем сам Хитрец или чем ему бы этого хотелось. Для Завоевателя ситуация развала инфраструктуры Простака говорит о том, что он ослаблен и не сможет далее конкурировать с Хитрецом и, далее, подлежит использованию, демонтажу как несамостоятельная единица.

Целью Хитреца в каждом из упомянутых случаев является Награда: для роли Вымогателя Награда – это небольшие суммы денег, для роли Карьериста это украденная или подсмотренная у Простака важная профессиональная информация по интересующему их (обе стороны) вопросу, которую планируется использовать в рамках разработок Хитреца. Для Дискредитатора Наградой является потеря Простакон уважения людей, достойного имиджа, которыми он обладал ранее, погружение Простака в ситуацию Вины и поиска бесконечных оправданий, из которых он не сможет уже выпутаться.

Хитрец планирует свои действия так, чтобы не производить насилия и попасть под статью уголовного кодекса, делать зло в неявном виде, т.к. он декларирует своими высокие, гуманистические цели и ценности. Для этого он разрабатывает такую стратегию, которая, с одной стороны, обеспечивает ему беспроигрышную победу, и, второе, позволяет сохранить лицо. Его стратегия работает, т.к. в нее включена Хитрость.

Актуальность темы исследования диктуется следующими факторами.

- 1) Становится возможной классификация игр, охватывающая различные формы поведения и проявления человека и разработка их формализованных моделей. Используя эти модели можно аргументировано и точно демонстрировать различные человеческие проявления самому человеку. До сих пор это делали прикладная математика, искусство, литература.
- 2) Существуют игры, имеющие негативное значение, и человека надо готовить, чтобы им противостоять. Их изучение может помочь в этом.
- 3) Рождение антропоцентрического подхода в русле лингвистики и культурологии делает возможным новый

подход к исследованию игры, когда ее интерпретация может быть основана, аргументирована на материале языка – носителя кодов культуры, культурной памяти этноса, знаний, обеспечивающих регуляцию способов взаимодействия между людьми и сохранение традиций.²

Целью данного исследования и является изучение игры «Хитрец против Простака» культурологическими и лингвосемантическими методами.

Основной проблемой и сложностью лингвистического подхода к исследованию игры является ее речемыслительная реализация: она протекает в основном в форме внутренней речи, либо в виде розыгрыша, где важными становятся мимика, жесты, интонации.

Использованные методы включают: метод интервьюирования жертвы игры для установления ее содержательной структуры и текстовой фиксации, этод драматизации, который предполагает мультимодальное изложение извлеченного содержания в виде плана – стратегии и сценария происходящего.

Гипотеза исследования:

Использование мультимодального вербального изложения содержания игры как метода исследования, построенного на разных модусах³, позволит выявить различное отношение сторон к происходящему и дать объективную интерпретацию стратегий Хитреца и Простака.

Материал исследования:

Анализ примеров в данной статье в силу краткости содержания проводится на материале ситуаций «Автоподстава на дороге», где Хитрец выполняет социальную роль Вымогателя денег у жертвы, а фактически вора, когда жертва отдает ему деньги сама, без принуждения.

Основные понятия и их определения:

Сценарий игры – последовательность действий, ведущая к определённом результату.

---

² См. о таком подходе в работе Шимко Е.А. [4] .

³ О понятии модус и диктум см. в работе Ш. Балли [5].

Ситуация игры – совокупность жизненных обстоятельств, определяющих действия сторон как реакцию на них.

В исследовании нами выделяются два типа ситуаций: «истинная», характеризуемая обычным привычным и ожидаемым положением вещей и христианскими заповедями, регуляторами человеческого поведения в сценарии жертвы; и «разыгрываемая ситуация», создаваемая Хитрецом для получения планируемого им выигрыша и Хитрость, обеспечивающая его выигрыш.

2. Мультимодальная драматизация содержания игры

В рамках данного подраздела нами будут рассмотрены как примеры два типа текста План игры со стратегией выполнения и Сценарий на материале варианта игры «Автоподстава на дороге», принадлежащего к классу игр «Хитрец против Простака».

План Хитреца определяется его Целью: создать ситуацию для вымогательства денег у Простака на дороге, для чего произвести некоторые действия.

Возможные действия в рамках плана:

- **Имитировать повреждения** на машине Простака и **организовать мнимый ремонт** его машины, **заставить платить** за эту навязанную услугу, заработав всей командой как за реальный труд.

Стратегия выполнения плана:

-**остановить машину простака**, аргументируя это предложение тем, что у него в машине неисправности, видимые со стороны,

- **попросить открыть капот**, чтобы проверить неисправности, (хозяин машины в машине),и в это время эти неисправности ему и причинить.

- **предложить водителю** убедиться в том, что его машина нуждается в срочном ремонте. Есть проблема, которой он ранее не замечал.

- когда водитель поймет и согласится, **предложить за небольшие деньги** отбуксировать его машину в сервис к «своим ребятам».

- **предупредить «ребят»**, что везете Простака.

- по прибытии **быстро организовать ремонт**, чтобы не успел опомниться и проконтролировать отсутствие поломки.

- **отправить домой** до окончания ремонта.

- **вызвать жертву** для получения отремонтированного автомобиля.

-**получить деньги от жертвы** и распределить их на всех.

В рамках данного типа текста становится очевидным «модус управления ситуацией», которую сам Хитрец сначала создает, а потом путем манипуляции сознанием жертвы заставляет ее играть в ней отведенную им для нее роль. Этот модус становится очевидным в наборе лексем, которые эксплицируются в процессе драматизации при написании данного типа текста на основе интервью. Манипуляция и составляет Хитрость: жертва сначала воспринимает происходящее на дороге как обычный истинный ход вещей, истинную ситуацию, когда машину могут остановить проезжающие мимо водители, которые и видят неисправность со стороны, искренне хотят помочь. Жертва же в данном случае попадает в Подставу – ситуацию разыгранную, и выполняет новую роль, считая ее традиционной. Она может понять смысл игры только в конце.

Сценарий игры

Сцена1. Едет хитрец или его группа, останавливают машину жертвы у обочины дороги, создав панику о техническом состоянии этого автомобиля.

Что происходит? Сидящая в машине Хитреца группа **энергично жестикулирует, делает большие глаза и жестами показывает** на капот машины Простака. **Машут руками, приглашают остановиться** у обочины.

Сцена 2. **Перепуганный водитель** останавливается. Группа Хитреца **бежит** к нему на помощь, в которой он вообще-то и не нуждался. Но это инсценировка помощи.

Сцена 3. Группа Хитреца у капота машины, **склонились, просят открыть капот**, чтобы посмотреть. **Сосредоточенные компетентные лица** склоняются над мотором, один из них **незаметно для водителя прыскает** специальной дымообразующей жидкостью на горячий мотор. **Дым идет сильнее.**

Сцена 4. Подзывают водителя посмотреть, что творится. Ошеломленный водитель подходит. Только что все было хорошо и вот на тебе! Поломка.

Сцена 5. Группа Хитреца, **посоветовавшись, предлагает** водителю простаку отбуксировать его на станцию автосервиса.

Сцена 6. Все едут.

Сцена 7. По прибытии группа автосервиса **сразу же разбирает** сломавшийся автомобиль, **мгновенная диагностика, и оформляется документация** на ремонт.

Сцена 8. Водитель, который уже **начинает кое о чем догадываться**, взяв документы, **потерянный**, уезжает домой.

Сцена 9. В назначенный день приезжает забрать свою машину, не знает, что получит. **Получает счет на круглую сумму и обреченно оплачивает** его.

Сценарий обеспечивает экспликацию лексем и словосочетаний, которые реализуют модус «очевидности» происходящего, некий фотографический эффект, который означает подключение к эйдетической памяти человека.⁴ Мы можем внутренним взглядом распознать происходящее и реакцию жертвы на обман, который переживается ею как драма.

Выводы

Игра «Хитрец против Простака» – это игра для обмана и обкрадывания Жертвы, над сознанием которой Хитрец производит манипуляцию как вербальными, так и невербальными средствами. Он создает ситуацию розыгрыша, имитацию истинной ситуации для обмана Простака через управление его поведением в новой роли, предусмотренной в разыгрываемой игре. Хитрец – вор, который не соблюдает никаких морально этических правил взаимодействия людей в социуме. Жертва – Простак на самом деле простаком и не является. Это чистый, искренний человек, как и большинство людей, чье сознание по умолчанию управляется, по меньшей мере, тремя христианскими заповедями: 1. Золотое правило нравственности – интерпретация христианской заповеди «Возлюби ближнего своего как самого себя»: Не делай другому то, чего не желаешь себе. [7] 2. Правило триединства мысли, речи,

---

⁴ См. размышления С. Эйзенштейна о том, что такое сценарий [6]

действий, которые должны быть направлены только на добро. 3. На зло отвечать не злом, а добром. Так преумножается добро. («Кто ударит тебя в правую щеку твою, поверни к нему левую».) [8]. Модель игры системно продумана и отработана, что позволяет воспроизводить ситуацию снова и снова.

Литература

1. Теория игр. Основные понятия. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_игр
2. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. СПб: Азбука. 2019. 400с.
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. [Электронный ресурс]. URL: <http://bourabai.ru/library/berne/07.htm>
4. Шимко Е.А. Экспликация культурных ценностей в лексико-фразеологических системах родственных языков. Автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.20. М., 2019.
5. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы. 1955. 416с. (с. 56-59 диктум и модальность)
6. Эйзенштейн С. О форме сценария. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTejN/s_o_forme_scenariya.txt
7. Золотое правило нравственности. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Золотое_правило_нравственности
8. Отвечать на зло добром. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/6187.html>

Хроменков Павел Николаевич
Pavel Khromenkov

«Язык вражды» в комиксах: анализ вербальной агрессии

Hate speech in comics: verbal aggression analysis

Аннотация: В статье рассмотрены особенности языка вражды как лингвистического феномена лингвоконфликтологии и его реализация в таких поликодовых текстах, как комиксы. Языковым материалом для анализа послужили комиксы, выпущенные в начале XXI века в Японии, США и Франции. Выделены общие характеристики языка вражды в современных комиксах, языковые способы его реализации, адресаты языка вражды.

Abstract: The article deals with some features of hate speech as linguistic phenomenon of linguoconflictology and its realizations in such polycode texts, as comics. Language material for the analysis was taken from comics which have been released in the beginning of XXI century in Japan, the USA and France. Common characteristics of hate speech in modern comics, language means of its realization, hate speech addressees are allocated.

Ключевые слова: комикс, манга, язык вражды, инвективы

Key words: comics, manga, hate speech, invectives

За последние сто лет комикс стал органичной частью современной культуры. Интересен тот факт, что эта особая разновидность искусства пользуется популярностью не только у детей и представителей молодёжи. Зачастую комиксами увлекаются и взрослые люди. Тем не менее, комиксы, в основном, ориентированы на молодёжную целевую аудиторию. Именно поэтому их можно считать специфическим типом коммуникации, который воздействует своими образами и смыслами на молодое поколение. Поэтому любая агрессия, тем более *язык вражды (hate speech)*, в комиксах может рассматриваться как инструмент мультисемиотичного манипулирования сознанием реципиентов путем различных провокационных сюжетов и агрессивной лексики.

Французский историк Жорж Садуль определяет комиксы как «рассказы в картинках» [Садуль, 1958]. Известный исследователь этой темы, автор книги «Понимание комикса», Скотт МакКлауд справедливо отмечает, что комикс сочетает в себе элементы таких видов искусства, как изобразительное искусство и литература [МакКлауд, 2016]. Комикс представляет собой, по сути, «повествование, изложенное в иконической (рисованной) форме, т.е. для передачи основного содержания

используется невербальный семиотический код, и даже не один. Это может быть собственно рисунок (графика), цвет, форма, размер и вербальный компонент, т.е. комикс представляет собой полноценный поликодовый (креолизованный, мультимодальный) текст» [Максименко, 2017]. С осознанием этой уникальной черты комикса становится ясен весь формат потенциального манипулирования массовым сознанием, поскольку приёмы вербального текста умело сочетаются с визуальным рядом. Фактически, ради коммерческого успеха и увеличения своей аудитории издатели комиксов используют так называемое «клиповое мышление». С той же целью в комикс запускается «образ героя» и «образ антигероя», которые, как правило, жёстко противопоставляются и их антагонизм возводится в степень абсолюта. Таким образом, цивилизационный код общества западного типа, связанный с аксиологией коммерциализации традиционных отношений, порождает новые образы языка вражды.

Язык вражды или риторика ненависти представляет собой набор языковых средств, выражающих негативное отношение к кому- или чему-либо, что способно спровоцировать ответный как вербальный, так и невербальный конфликт. Основная трудность дефиниции термина «язык вражды» заключается в многогранной природе самого понятия. Трудности оперирования понятием обусловлены тем, что язык вражды изучается различными научными дисциплинами, и пока еще не выработано общее мнение о синонимичности терминов «язык вражды» и «риторика ненависти» [Калинин, 2018]. Этот терминологический вопрос принципиально важен, так как касается одной из главных общенаучных проблем – соотношения субъективного в объективного при определении реального смыслового наполнения термина [Громова, 2017; Хроменков, 2016].

Язык вражды в отечественной лингвистике стали изучать относительно недавно – в последнем десятилетии XX века. На наш взгляд, повышенный интерес к этой теме и необходимость ее изучения в России именно в этот период обусловлены тем, что после распада СССР, общей либерализации и свободы от ограничений и норм, а также начала распространения Интернета в конце 19990х гг. в сферу открытой публичной коммуникации –

прессу, выступления политиков, глобальную сеть – стала проникать стилистически сниженная лексика вплоть до инвектив и обценных выражений. Именно в это период стали появляться работы А.Н. Баранова, В.И. Жельвиса, несколько позже А.В. Денисовой, Л.Р. Комаловой и др. Также в этот период появилась основополагающая работа Ван Дейка [Dijk van Teun, 1997], где рассматривались дискурсивные стратегии и объяснительные модели, используемые в условиях речевого конфликта. Из конфликтологии Ван Дейк позаимствовал деление на «Мы-группу» (большинство) и «Они-группу» (дискриминируемое меньшинство), разделённые по признаку этнической принадлежности. Таким образом, Ван Дейк выделил одну из особенностей языка вражды – намеренную поляризацию характеристик двух групп, в результате которой появляются бинарные оппозиции. Эти модели речевого конфликта отчетливо видны, в том числе, и в комиксах.

Одним из популярных и распространённых во всем мире видов современного комикса является японская манга (комику) – её читают и дети, и взрослые. В отличие от западных комиксов, под влиянием которых манга стала развиваться в Японии как направление графического искусства, в манге вербальный компонент используется меньше, и внимание акцентируется не на формах рисунка, а на линиях, при этом характерной особенностью персонажей стали большие выразительные глаза [MacWilliams, 2008]. Читается манга, в отличие от русской и западной традиции, справа налево, что связано с особенностями японской письменности, но иногда для западных и российских читателей манга переворачивается, чтобы можно было читать привычно. Сюжеты комиксов, как упоминалось выше, строятся на противостоянии героев, что априори предполагает конфликтную ситуацию. Однако в манга степень вербального и иконического оформления конфликта нередко выходит за рамки разумного. Например, широко известный, признанный лучшим комиксом в своем жанре и переведенный на европейские языки, в том числе и на русский, манга “Hellsing”, издававшийся в Японии 11 лет, характеризуется повышенной степенью вербальной агрессии по отношению к персонажам разного возраста, гендера, религиозной принадлежности:

- к детям: « - *Стреляйте в Интеграл без предупреждения! Я хочу, чтобы её убили!*» (с. 004). « - *Дядя, почему ты это делаешь?! Откуда в тебе столько ненависти?! - Я ни за что не отдам Хеллсинг такому ребёнку! Заткнись!*» (с. 012,013) [Электронный ресурс, w manga];

- к людям старшего возраста: « - *...И отправить всех этих старпёров в ад*» (с. 001); « - *Сейчас ты сдохнешь! Йо! Старик!*» (с. 022); « - *Этот чёртов старикашка... Ты, старый хрен!*» (с. 024). « - *Эй, старикашка, у тебя что, мозги набекрень?*»; « - *Ты и правда старый дряхлый хрен!*» (с. 014); « - *...Мы вам головы пооткручиваем, старичё!*» (с. 015) [там же];

-к женщинам: « - *Разве я могу позволить протестантам уйти свободно? И ты смеешь относиться к нам свысока, шл*ха?*» (с. 014); « - *Идиотка! Не будь дурой!*»; « - *Ты что, тупая?*»; « - *Посмотри внимательно, бестолочь!*» (с. 014, 015) [там же];

- религиозная ксенофобия: « - *Ты, невежественная языческая свинья! Так что заткнись и слушай!*» (с. 005); «-*Умри! Умри! Да, убивайте всех! Хороший протестант – мертвый протестант!*» (с. 007) [там же];

- национальная ксенофобия: « - *Не обращая внимания на страдания...*

...посмеявшись над англичанами, мы превзойдём их.

...и нападём...

...на Англию, на Англию» (с. 001) [там же]; « - *Раз уж сделали своё дело, то сдохните поскорее. Англичаики*» (с. 006). « - *Музей войн Британской империи? - Взорвите его!*» (с. 014) [там же].

Особенностью многих японских манга является повышенный интерес к эротике и насилию, т.к. этот жанр рассчитан в большей степени не на детскую аудиторию, а на взрослых, однако, в частности, в данном комиксе, как отмечают критики, степень призывов к агрессии выходит за рамки, необходимые для вербальной характеристики образа даже отрицательного персонажа: « - *Убивай. Или убьют тебя*» (с. 024); « - *Убей своих врагов, уничтожь своих союзников, свою страну, своих людей, себя. И всё равно, этого будет недостаточно*» (с. 036); «-*Бей их! Бей. Отомсти им, Серас.*» (с. 007); «- *Убей всех*

врагов, каких увидишь!» (с. 013); « - *Бейте их! Бейте! Бейте, стреляйте!»* (с. 004); « - *Я собираюсь, дамы и господа, всех вас кусками нарезать»* (с. 004); « - *Бить их... Бить... Их всех, всех... Бить!»* (с. 007); « - *Я буду медленно, медленно тебя убивать»* (с. 012); « - *Итак. Господа! Убивайте – и пусть убивают вас, несите смерть – и умирайте сами!»* (с. 015); «...*Мы сожжём мир дотла»* (с. 024) и пр. [там же].

Учитывая, что вербальный компонент манга, как часто бывает в комиксах, пропорционально меньше иконического, можно заметить, что разнообразие лексического состава также невелико, и при переводе, в данном случае, с японского языка, по всей видимости, особых проблем не возникает, т.к. наиболее частотными являются семантически однозначные в анализируемых контекстах лексемы «языка вражды»: *убивать, бить, смерть, умирать, мёртвый, враг*.

Независимое издательство Dark Horse Comics (США), специализирующееся на выпуске как манга, так и комиксов собственного производства, в частности, широко известного Hellboy, цикла комиксов по Звездным войнам и пр., выпустил серию комиксов Mass Effect, где действие происходит в вымышленной вселенной Mass Effect жанра «космической оперы». Действие происходит в XXII веке, но реализация языка вражды от этого не меняется. Адресатами агрессии и языка вражды являются те же категории персонажей, что и в манга, например, люди старшего возраста: «*Спорю, старый пердун связался не для того, чтобы извиниться за то, что оставил меня здесь гнить»* [Электронный ресурс]. Текст насыщен призывами к насилию и всевозможными инвективами, переносящими вражду из виртуального универсума в реальную жизнь: «*Я так и знал! Убить её!»* «*Эй ты псих!»*; «*Дезертирство или тупость, неважно что, довольно скоро они все увидят»*; «*Ваши церберовские ублюдки не лучшие шайки мелких воришек с моей станции!»*; «*И если понадобится, то вставьте кляп в рот»*; «*Помимо того, что банды готовы перегрызть друг другу глотки, так еще и церберовские уроды вступили в игру»*; «*Потому что у меня есть для вас небольшая работа – выкинуть этих ублюдков с Омеги»*; «*Прирежь этого урода»*; «*Убирайтесь, стервятники! Кыш! Кыш!»* [там же]. Вербально реализуется архетипическое

негативное противопоставление «свой – чужой»: *«Тебя ждет та же смерть, что и твою злобную мать»*; *«Тысяча проклятий на всех ведьм и гадюк, что их породили»*; *«Мы покажем этим мерзким чужим, кто тут...»*; *«Никто не будет вам помогать, чужие! Почему бы вам не отправиться в ад?»* [там же]. Инвективная лексика, такая как *дебил, ублюдок, задница, гадюка* и пр. не разнообразна, однако, высокочастотна.

Французский комикс *Trolls of Troy* компании *Soleil Productions*, сделан в жанре «фэнтези». С 1997 г. на французском языке выпущено уже 20 томов, он переведен на ряд европейских языков, а сюжет этого комикса лег в основу анимационного фильма, однако, язык вражды и агрессия здесь также встречаются в самых различных формах: *«Ну что ж, я приказываю вам вернуться в Клостон, и есть до расстройства желудка»* [Электронный ресурс] (в вымышленной стране тролли мешают мирным гражданам, и поэтому глава государства разрешил охотнику на троллей перебить их всех, точнее, съесть, так как он ест троллей); *«Эти люди великолепны! Мы нападаем на них, мы едим их!»*; *«Он сожрал ее родителей и их лошадей, но был уже сыт, чтобы съесть и ребенка»*; *«В чем твоя сила? - Я могу выбивать зубы. Хочешь это увидеть? - ..... - Отлично!»* [там же]. *«Вперед, папа! Скорей убьем их!»*; *«Обыскать лес. Мы их там вырежем!»*; *«Хороший тролль, мертвый тролль...или хотя бы умирающий»* и пр. [там же].

Безусловно, изучая комиксы как поликодовый текст, необходимо учитывать взаимодействие вербального и иконического компонентов, но, как говорится в работе [Максименко, 2017], именно вербальный компонент в комиксах конкретизирует ситуацию, превращая имплицитный смысл рисунка, диапазон интерпретации которого намного шире, в смысл эксплицитный. Поэтому мы можем выделить следующие особенности вербальной конфликтной составляющей комикса, вне зависимости от страны его происхождения – Японии, США или Франции. Из лингвистических аспектов враждебной риторики как наиболее частотные можно выделить использование инвективной лексики и лексики с однозначно негативной семантикой (*убить, умереть, смерть, гадина* и т.п.), а также метафоризацию, сарказм, генерализацию,

гиперболизацию. Также часто в высказываниях персонажей присутствует номинация «Они-группы» или признака для дискриминации. Адресатом вербальной агрессии становятся практически все персонажи комикса, но чаще всего женщины, люди старшего возраста, дети и пр., попадающие в «Они-группу».

Таким образом, можно сделать вывод, что характерной чертой современных популярных комиксов является *язык вражды* из-за обязательного присутствия в них конфликтного противопоставления сторон, наличия врагов. Ряд философских установок считает главным введение для каждого сообщества понятия «врага». Отношения с врагом – это отношения войны на уничтожение. Все поведенческие нормы и стереотипы вырабатываются на основе участия или подготовки к этой борьбе. Для понимания этих поведенческих норм возникла лингвопрагматическая необходимость изучения языка вражды, и, хотя изучение феномена языка вражды достаточно широко представлено как в западной, так и отечественной гуманитаристике, расширение поля исследований и языкового материала, в частности, комиксов, подтверждает мысль, что язык вражды, повсеместно приникший в массовую культуру, способен оказывать влияние на реципиента самым негативным образом.

Литература

1. Громова Н.С. Вербальный экстремизм: к вопросу о границах термина. // Вестник Костромского гос. ун-та. Кострома: КГУ, 2017. №3. С. 211-214.
2. Калинин А.Ю. «Язык вражды», «риторика ненависти» или... как перевести hate speech? // Россия и Запад. Диалог Культур. Сборник научных трудов, вып. 2. М.: Издательский дом МГУ, 2018. С. 213-221.
3. МакКлауд С. Понимание комикса. Пер. с англ. М.: Изд-во Белое Яблоко, 2016. 216 с.
4. Максименко О.И. Семиотика (вербальная и невербальная) мультифандомного мира (на примере комиксов издательства Marvel, DC и Babbie) // Сборник Военно-гуманитарный альманах. Сер. Лингвистика М., 2017. С. 36-47.

5. Садуль Ж. Всеобщая история кино. Том 1. М.: "Искусство", 1958.
6. Хроменков П.Н., Максименко О.И. Вербальный конфликтогенез Интернет-запросов // Вестник РУДН Сер Русский и иностранный языки и методика их преподавания. М., 2015 №3 С. 68-81.
7. Dijk van Teun. Discourse as structure and process. // London: Sage, 1997. 356 p.
8. MacWilliams, Mark W. Japanese Visual Culture: Explorations in the World of Manga and Anime. M.E. Sharpe, 2008.
9. Wmanga. [Электронный ресурс]. URL: http://wmanga.ru/starter/manga_chapter/hellsing/
10. Invasion. [Электронный ресурс]. URL: http://dl.dropboxusercontent.com/u/42133878/comix/dh/mass_effect3/Invasion/03/21_b.jpg
11. Комиксы онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://komiksy-onlain.ru/drugie-komiksy/trolls-de-troy-1-1/trolls-de-troy-1-trolli-iz-troya-kniga-1-4-11996#joomimg>

Шевырдяева Лилия Николаевна
Lilia Shevyrdyaeva

Лингвокультурная категория приватности в судебном дискурсе (на материале решений Верховного суда США)

Privacy as a linguocultural category of the judicial discourse: a case study of the Supreme Court of the United States

Аннотация: Настоящее исследование рассматривает с позиций когнитивной лингвистики особенности концептуализации одной из ключевых категорий американской правовой и лингвокультуры *privacy* / приватность в решениях Верховного суда США, вынесенных с 2002 по 2006 год, и структурирует результаты в виде фрейма.

Abstract: Within the framework of cognitive linguistics, the paper examines the conceptualisation of *privacy*, a fundamental category of the American legal system and culture, in the opinions of the Supreme Court of the United States from 2002 to 2006 and designs a frame to represent the findings.

Ключевые слова: юридический дискурс, судебный дискурс, приватность, правовой концепт

Key words: legal discourse, judicial discourse, privacy, legal concept

Право и правовая система как часть лингвокультуры уникальны для государства, поскольку каждый народ в течение многих десятилетий и даже столетий постепенно разрабатывает свод правового регулирования, наиболее полно соответствующий его национальному характеру и особенностям. Правовые концепты, фиксируемые единицами специальной лексики, связаны поэтому не только с определёнными языками, но также созданы и связаны с определёнными культурами.

Настоящее исследование проводится в русле жанрово-дискурсивного осмысления судебной коммуникации и функционирующих в ней юридических терминов (Глинская, 2002, 2010) и продолжает общее направление когнитивного изучения судебного дискурса США в других работах автора (Шевырдяева, 2007, 2011). В центре внимания находится фрейм четвертой поправки к Конституции США 4th Amendment. Исторически, поправка была принята для того, чтобы оградить граждан от необоснованных обысков и защитить неприкосновенность жилища и личности, что представляет важный концепт американской культуры *privacy*. Однако с течением времени и усложнением жизни общества и правовой системы государства предельно лаконичного текста поправки стало недостаточно, чтобы урегулировать все спорные ситуации. Вследствие этого Верховный суд США принимает к пересмотру дела, предметом которых являются обыски, аресты и задержание граждан полицией. Как правило, такие дела не вызывают значительного расхождения мнений. В большинстве своем они решаются единогласно, что объясняется лишь необходимостью более подробного описания поведения соответствующих органов и лиц в ситуации потенциального посягательства на приватность гражданина.

В результате анализа текстов 15 судебных решений, вынесенных в период с 2002 по 2006 г.г. общим объемом более

95000 слов⁵, были выделены 5 основных слотов фрейма 4th Amendment:

- 1) граждане государства как участники правоотношений,
- 2) действия и права граждан, защищаемые 4-ой поправкой,
- 3) государство как участник правоотношений,
- 4) действия государства, попадающие под действие 4-ой поправки,
- 5) процессуальный инструментарий.

Сопоставление выделенных слотов с текстом поправки показало, что они предопределены самим исходным текстом поправки:

The right of the people (**1. граждане**) to be secure in their persons, houses, papers, and effects (**3. действия и права граждан**), against unreasonable searches and seizures (**4. действия государства**), shall not be violated, and no warrants shall issue, but upon probable cause, supported by oath or affirmation, and particularly describing the place to be searched, and the persons or things to be seized (**2. процессуальный инструментарий**).

Право народа на охрану личности, жилища, бумаг и имущества от необоснованных обысков и арестов не должно нарушаться. Ни один ордер не должен выдаваться иначе, как при наличии достаточного основания, подтвержденного присягой или торжественным заявлением; при этом ордер должен содержать подробное описание места, подлежащего обыску, лиц или предметов, подлежащих аресту.

Как и в случае с другими поправками, положение гражданина государства (узел 1), чьи права гарантируются, в значительной степени определяет степень неприкосновенности этих прав и их объем. В данном фрейме релевантными характеристиками граждан являются правовой статус (*free citizen / probationer / parolee*) или социально-возрастные характеристики

---

⁵ Были отобраны и проанализированы все дела по этому вопросу за период с 2002 по 2006 г.г., а именно: Board of Education of Independent School District No. 92 of Pottawatomie County v. Earls, 2002, US v. Arvizu, 2002, US v. Drayton, 2002, Maryland v. Pringle, 2003, US v. Banks, 2003, Illinois v. Lidster, 2004, Hiibel v. 6th Judicial District Court of Nevada, Humboldt County, 2004, Thornton v. US, 2004, Devenpeck v. Alford, 2004, Illinois v. Caballes, 2005, Brigham City, Utah v. Stuart, 2006, Samson v. California, Georgia v. Randolph, 2006, Hudson v. Michigan, 2006, US v. Grubbs, 2006.

человека (*public school students / schoolchildren*), чьи права нарушаются, в большинстве случаев – обыскиваемого. Интересно отметить при этом, что школьники имеют ограниченные права (*limited expectation of privacy*):

A student's privacy interest is limited in a public school environment where the State is responsible for maintaining discipline, health, and safety (Board of Education of Independent School District No. 92 of Pottawatomie County v. Earls, 2002)

Ключевым термином слота «Действия и права граждан» (узел 2) является *privacy* – приватность, неприкосновенность частной жизни, вербализуемая многочисленными синонимичными терминологическими сочетаниями (*expectation of privacy, privacy interest / privacy interests / interest in privacy*). Дальнейшая детализация не предусмотрена, судьи могут обсуждать лишь степень нарушения прав и ограничения неприкосновенности частной жизни (*to infringe privacy, privacy-related burden, intrusions on privacy / intrusion into privacy / intrusions into the privacy interests, severely damaged expectation of privacy, significant invasion of privacy*).

But the "degree of intrusion" on one's privacy caused by collecting a urine sample "depends upon the manner in which production of the urine sample is monitored." *Vernonia, supra*, at 658 (Board of Education of Independent School District No. 92 of Pottawatomie County v. Earls, 2002)

Государство (узел 3) представлено сотрудниками полиции (*police, police officers, law enforcement officers*) или руководством школ (*school authorities*), которые осуществляют действия, потенциально ограничивающие приватность граждан.

Узел «Действия государства» (узел 4) составляют собственно регулируемые действия государственных органов, в первую очередь, полиции, попадающие под действие поправки (*search, seizure, arrest, stop, detention, entry, drug testing*). Для дальнейшего описания основных составляющих данного узла воспользуемся матрицей когнитивных признаков, предложенной Н.П. Глинской для анализа базовых терминов в составе атрибутивных терминологических словосочетаний в юридических текстах разных жанров (Глинская, 2002:105). В качестве примера базового термина был выбран наиболее

частотный отраслевой термин *search*, далее лексемы-определители при данном базовом термине были объединены в ряды по следующим восьми семантическим характеристикам:

- качественная объективная характеристика, включающая свойства и признаки определяемого концепта: *warrantless search, probation search, consent search, body search, search of a bag / search of a person / search of the person and luggage, sniff search, patdown / pat-down search,*
- качественная субъективная оценка концепта, обозначаемого базовым термином: *reasonable / unreasonable search, lawful / unlawful search, suspicionless search, constitutional / unconstitutional search, constitutionally permissible search, legal / illegal search, arbitrary, capricious, or harassing search,*
- действие, которое может быть совершено денотатом термина или в его отношении: *authorized search,*
- отношение к субъекту права: *governmental search / government search, police search, search by public school officials, search by a probation officer, search by a law enforcement officer, search of a student,*
- временная характеристика события: *impending search, search incident to arrest,*
- размерность или иные количественные параметры: *limited / complete / full and complete / full-blown search,*
- стоимость в различных единицах: не встречается,
- местоположение или иная территориальная характеристика концепта: *search of a dwelling, search of a premises, automobile search / search of a car / search of a vehicle, prison cell search, search aboard buses, search of the place of business, search of private papers.*

Помимо вышеуказанных когнитивных признаков концептов, входящих в данный узел, важной характеристикой, выделяемой в судебном дискурсе, является цель действия: *search for drugs / search for cocaine / drug search, search for weapons, exploratory search / evidence-gathering search / search for evidence / evidentiary search, search for contraband.*

Подобные ряды можно сформировать и для других базовых терминов, фиксирующих концепты данного узла, что свидетельствует о его подробной проработке судьями.

Завершая рассмотрение данного узла, необходимо более подробно остановиться на том, как именно концептуализируются в судебном дискурсе качественные объективные и субъективные характеристики концептов. На основании анализа материала, иллюстрируемого приведенными выше примерами, можно сделать вывод, что в качестве субъективных характеристик концептов выступают правовые оценки судей, в то время как объективными являются не зависящие от них.

В приведенной выше классификации лексема-определитель *reasonable* отнесена в группу качественной субъективной оценки. Проведенный компьютерный статистический анализ корпуса текстов решений суда по вопросам 4-ой поправки показал, что именно эта лексема наиболее часто употребляется для оценки действий (лексема *reasonable* встречается 211 раз на 95 тысяч словоупотреблений, в то время как определитель *constitutional* встречается лишь 49 раз в том же объеме текстов, а *lawful* - лишь 40 раз). Подобное положение объясняется тем, что в самом тексте поправки для характеристики недопустимых действий употребляется лексема *unreasonable* (... *against unreasonable searches and seizures* ...), которая и закрепляется в дискурсе. Тем самым, при отсутствии иных критериев для вынесения решения, судьям дается единственная рекомендация для рассмотрения дел (*categorical scheme on the general reasonableness analysis*). В результате определение *reasonable* становится контекстуальным синонимом определения *constitutional*:

This Fourth Amendment case focuses upon a highway checkpoint where police stopped motorists to ask them for information about a recent hit-and-run accident. We hold that the police stops were reasonable, hence, constitutional. (Illinois v. Lidster, 2004)

The reasonableness of a seizure under the Fourth Amendment is determined "by balancing its intrusion on the individual's Fourth Amendment interests against its promotion of legitimate government interests." *Delaware v. Prouse* (1979) (*Hiibel v. 6th Judicial District Court of Nevada, Humboldt County*, 2004)

Подобное явление было отмечено и при анализе фрейма *Religious Clauses*, в рамках которого действия, определяемые как *secular*, т.е. светские, не имеющие отношения к религии,

оценивались как конституционные (например, *legitimate secular purpose*) (Шевырдяева, 2011). Тем самым прилагательное *secular* становилось контекстуально синонимично прилагательному *constitutional*.

Процессуальный инструментарий (узел 5), разработанный для оценки действий субъектов, в данном фрейме включает в себя следующие категории:

- Авторизация действия - право совершить действие, которое дает ордер (*warrant*) или согласие обыскиваемого (*voluntary / involuntary consent, cooperation*). Концепт *warrant* неразрывно связан с концептом *probable cause*, который подразумевает наличие обоснованных подозрений в отношении какого-либо лица (*reasonable suspicion / individualized suspicion*), на основании которых создаются инструменты правового анализа - *probable-cause requirement / standard of probable cause / probable-cause standard, framework for making reasonable suspicion*.

That principle is not to be found in the Constitution. The Fourth Amendment does not require that the warrant set forth the magistrate's basis for finding probable cause, even though probable cause is the quintessential "precondition to the valid exercise of executive power." Much less does it require description of a triggering condition (US v. Grubbs, 2006)

- Цель действий (*law enforcement purpose / law enforcement objective / law enforcement concerns, legitimate government interests*), в качестве которой могут выступать *emergency aid / emergency assistance, exigent circumstances / reasonable suspicion of exigency, to protect an occupant from imminent injury*. Тем самым судьи устанавливают баланс, гармоничное равновесие между необходимостью творить правосудие (задержать преступника - *law enforcement objective*) и еще более острой необходимостью защитить гарантированные права граждан (*privacy*) от произвола и злоупотребления властью тех людей, которые ей обладают.

There, the "only potential emergency" confronting the officers was the need to preserve evidence (*i.e.*, the suspect's blood-alcohol level)--an exigency that we held insufficient under the circumstances to justify entry into the suspect's home (Brigham City, Utah v. Stuart, 2006)

- Образ действия. Данная категория объединяет все подробности того, каким образом действуют офицеры полиции, например, при проникновении в жилой дом (*to enter forcibly / to go in with force / make a forced entry / to enter by force, forcible entry, reasonable entrance, warrantless entry, "no-knock" entry / unwarned entry / no-knock entrance, knock-and-announce rule / requirement, wait time*).

In response to drug and firearms charges, Banks moved to suppress evidence, arguing that the officers executing the search warrant waited an unreasonably short time before forcing entry, and so violated both the Fourth Amendment and 18 U. S. C. §3109 (*US v. Banks*, 2003)

First, the court held that the injury caused by the juvenile's punch was insufficient to trigger the so-called "emergency aid doctrine" because it did not give rise to an "objectively reasonable belief that an unconscious, semi-conscious, or missing person feared injured or dead [was] in the home." 122 P. 3d, at 513 (internal quotation marks omitted). Furthermore, the court suggested that the doctrine was inapplicable because the officers had not sought to assist the injured adult, but instead had acted "exclusively in their law enforcement capacity." *Ibid.* (*Brigham City, Utah v. Stuart*, 2006)

- Последствия действия. Помимо нарушения неприкосновенности жилища и личности, важным аспектом разбирательств в связи с 4-ой поправкой является потенциально возможное непризнание в суде доказательств, полученных при нарушении Конституции (*suppression of evidence / to suppress evidence, to suppress confession, to challenge the lawfulness of arrest*), т.е. обнаруженные и изъятые предметы могут не допускаться в качестве доказательства в суде. Данный аспект не был оговорен непосредственно в тексте поправки, это правило было создано судебным прецедентом лишь в 1968 году, поэтому его действие находится исключительно в сфере полномочий судей. В связи с этим, в некоторых случаях судьи не просто разбирают определенную ситуацию, но и учитывают последствия своего решения.

Таким образом, проанализированный фрейм 4th Amendment, представляющий приватность в современном американском

судебном дискурсе, является многомерной, иерархически организованной структурой, которая включает 5 основных узлов: граждане и их действия в соответствующей сфере, государство и его действия, а также процессуальный инструментарий, используемый Верховным судом для оценки конституционности действий. При этом результаты анализа лексической наполненности составляющих фрейма проецируются на культурно-социальные составляющие американской картины мира, поскольку правовая система государства как часть культуры специфична для каждого народа.

Литература

1. Иванова С.В. Хитрое слово leadership, или еще раз о Глинская, Н. П. Юридическая терминология в разных функциональных стилях английской речи. [Текст]: дис... канд. филол. наук: 10.02.04 /Глинская Нэлли Петровна. - М., 2002.
2. Глинская, Н. П. Юридический термин privacy как предмет системно-динамического исследования [Текст]: // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 2. — С. 33–50.
3. Шевырдяева, Л. Н. Судебное решение как жанр современного американского судебного дискурса [Текст]: // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2007. — № 4. — С. 52–60.
4. Шевырдяева, Л. Н. Язык судебного дискурса как семиологическая система (на материале решений Верховного суда США) [Текст]: // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2011. — № 1. — С. 64–73.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Бахтуева Евгения Станиславовна
Evgeniya Bakhtueva

История изучения цитат в отечественной лингвистике: краткий обзор

Study of Quotations in Russian Linguistics – A Brief Overview

Аннотация: Цитата как способ передачи чужой мысли активно изучается отечественными филологами с 60-х годов XX века. Отправной точкой для таких исследований послужили идеи русского философа и культуролога М. М. Бахтина о «чужом» слове и о «диалогичности» текста. На современном этапе эти идеи развиваются в рамках теорий вертикального контекста, интертекстуальности и прецедентных текстов. Наряду с этим, формирование нового направления «филологическая топология» в русле антропоцентрической парадигмы позволило глубже осмыслить вопросы о том, каким образом и в какой форме «осколки» мудрой мысли хранятся в памяти носителей языка и передаются от одного субъекта речевой деятельности к другому.

Abstract: Russian literary scholars have been widely studying quotations as a means of rendering other's thoughts since the 1960s, thus developing Bakhtin's concepts of the other's word and dialogism. Bakhtin's ideas are being elaborated in the theories of vertical context, intertextuality, and precedent texts. In addition, 'philological topology', a relatively new approach, established within the anthropocentric paradigm, has provided a better awareness of how pieces of wise thoughts are stored in memory and communicated from individual to individual.

Ключевые слова: антропоцентризм, вертикальный контекст, интертекстуальность, прецедентные тексты, филологическая топология, цитата, цитатная речь

Key words: anthropocentrism, intertextuality, philological topology, precedent texts, quotations, quoting, vertical context

В отечественной лингвистике цитаты изучаются в рамках самых разных подходов и направлений, отсюда – отсутствие однозначного терминологического обозначения и четкого определения понятия.

На начальном этапе цитата изучалась преимущественно в литературоведческом аспекте и как отдельное лингвистическое явление не рассматривалась. Благодаря концепции диалогичности, сформулированной М. М. Бахтиным еще в 20-х годах XX века и получившей новое осмысление в 60-х годах в работах французского семиотика Ю. Кристевой, цитата как

способ передачи «чужого» слова и как один из элементов интертекста стала объектом изучения в том числе и лингвистики.

В лингвистике цитата первоначально изучалась с точки зрения формального синтаксиса. В рамках данного подхода цитата упоминается в контексте изучения проблематики синтаксиса чужой речи и представляется как модификация чужой речи. При этом основной акцент делается на средства графического оформления цитаты и способы ее включения в текст, описываются формальные маркеры чужой речи, а также синтаксические отношения между цитатой и окружающим ее контекстом [Мурзин 1969; Шагеева 2005].

С растущим интересом к лингвистике текста цитата стала рассматриваться как средство когезии и когерентности. В рамках данного подхода исследуются проблемы формально-грамматических и логико-семантических связей цитаты с новым текстом, а также средства введения цитаты в текст. Для этой цели Е. В. Петрова ввела в обиход понятие «цитатная конструкция», которая состоит из так называемого ввода и самой цитаты, при этом в структурном плане центром цитатной конструкции является ввод, а периферией – цитата, тогда как в смысловом отношении главную роль играет цитата, ввод же является дополнением [Петрова 1987: 10]. Вопрос о структурных типах цитат до сих пор остается нерешенным. Так, многие признают существование таких типов, как цитата-словосочетание, цитата-фраза, цитата-предложение, цитата-СФЕ (сверхфразовое единство) и цитата-абзац. Однако вопрос о существовании цитаты-слова представляется достаточно спорным.

Еще один подход заключается в рассмотрении цитат как одного из типов межтекстовых связей. Данный подход уходит корнями в работы М. М. Бахтина, который, рассуждая о природе «чужой речи» и диалогичности текста, утверждал, что «всякое конкретное слово (высказывание) находит тот предмет, на который оно направлено <...> уже оговоренным, оспоренным, оцененным, окутанным затемняющей его дымкою или, напротив, светом уже сказанных чужих слов о нем. <...> Направленное на свой предмет слово входит в эту диалогически взволнованную и напряженную среду чужих слов, оценок и акцентов <...> и все это может существенно формировать слово, отлагаться во всех

его смысловых пластах, осложнять его экспрессию, влиять на весь стилистический облик» [Бахтин 1975: 89-90]. Таким образом, по мнению М. М. Бахтина, тексты, соприкасающиеся друг с другом на «территории» общей темы или мысли, неизбежно вступают в диалогические отношения, становятся звеньями речевой цепи.

На современном этапе идеи М. М. Бахтина развиваются в рамках теорий вертикального контекста, интертекстуальности и прецедентных текстов.

Термин «интертекстуальность» был впервые употреблен французским семиотиком Ю. Кристевой в 1967 году для обозначения спектра межтекстуальных отношений, благодаря которым тексты (или их части) могут разными способами явно или неявно ссылаться друг на друга. Тем самым Ю. Кристева познакомила западного читателя с бахтинской концепцией «чужого слова» и диалогичности и в то же время заинтересовала отечественных лингвистов в изучении данной проблематики. Переосмысливая идеи М. М. Бахтина, Ю. Кристева приходит к выводу о том, что любой текст, впитывая и трансформируя любой другой текст, строится как мозаика цитаций и становится в некотором смысле бесконечным, допуская как минимум двойное прочтение в пространстве интертекстуальности [Кристева 2000: 429]. Иными словами, цитата способствует приращению смысла произведения.

Г. Г. Слышкин отмечает, что рост интереса к изучению интертекстуальных связей в отечественной лингвистике вполне закономерен и обусловлен, во-первых, отсутствием склонности у современной культуры к текстопорождению; во-вторых, все большей визуализацией культуры, которая влечет за собой изменение состава и характера цитируемых текстов [Слышкин 2000: 5].

В рамках теории интертекстуальности цитата рассматривается как эксплицитное или имплицитное «воспроизведение двух или более компонентов текста-донора с собственной предикацией» [Фатеева 2000: 122], причем, как подчеркивает В. А. Лукин, включение в текст любого знака из «чужого» текста может быть как осознанным, так и неосознанным [Лукин 1999: 69].

Основоположителем теории прецедентности является советский и российский лингвист Ю. Н. Караулов, который в 1986 году ввел в научный обиход термин «прецедентные тексты», под которыми он понимал тексты, 1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, 2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, 3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов 1987: 216]. При этом Ю. Н. Караулов подчеркивал, что к прецедентным нельзя причислить: 1) тексты официально-делового стиля, которые не обладают эмоциональной и познавательной значимостью; 2) тексты газетного фельетона ввиду кратковременности их жизни и недостаточной одновременной информированности членов общества об их содержании; 3) тексты специальных работ [Там же].

Что касается разграничения понятий интертекста и прецедентного текста, стоит отметить, что во многих лингвистических работах последних лет эти понятия не только сближаются, но и нередко отождествляются. Подчеркивая необходимость разграничения данных понятий, Н. А. Кудрина отмечает, что неизбежное обращение к прецедентным текстам в процессе создания новых текстов ведет к интертекстуальности последних, что вовсе не означает справедливости обратного утверждения, т.е. интертекстуальность не всегда создается только за счет «переключки» с прецедентными текстами [Кудрина 2005: 5].

В. А. Лукин обращает внимание на то, что только те цитаты по праву считаются прецедентными текстами, которые отвечают требованиям 1-3, обозначенным Ю. Н. Карауловым. На примере прецедентных художественных текстов В. А. Лукин наблюдает за тем, как происходит превращение, «переплавка» цитаты – «чужого», но в то же время общего и общеизвестного – в «свое» и уникальное [Лукин 1999: 73].

Термин «вертикальный контекст» появился в отечественной филологии в 70-е годы XX века, когда на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова была

разработана теория вертикального контекста, автором которой стала профессор О. С. Ахманова. Вертикальный контекст определялся как «историко-филологический контекст данного литературного произведения и его частей» [Ахманова, Гюббенет 1977: 49]. В дальнейшем Л. В. Полубиченко уточнила данный термин, отметив, что вертикальный контекст – это «историко-филологическая и – шире – общекультурная информация, которая объективно (но часто как бы в скрытом, «свернутом» виде) заложена в том или ином литературном произведении и восприятие которой не может основываться ни на знании непосредственного лингвистического окружения соответствующих языковых единиц, ни на контексте ситуации, – иными словами, на изучении всего того, что можно представить себе как контекст „горизонтальный“» [Полубиченко 1979: 4]. Создание теории было обусловлено необходимостью решения проблемы подлинного понимания литературно-художественного текста филологом-иностранцем, поэтому особое внимание было уделено классификации категорий вертикального контекста и его источникам.

Так, И. В. Гюббенет выделила такие категории, как реалии, идиоматика, а также цитаты и аллюзии. Далее И. В. Гюббенет условно делит все цитаты и аллюзии на очевидные, т.е. понятные ввиду популярности источника или благодаря наличию атрибуции, и не столь очевидные, понимание которых затруднено как из-за их нечеткой выраженности или чрезмерной изощренности, так и по причине недостаточной известности самого источника. [Гюббенет 1981: 23, 32].

В качестве основных источников цитат и аллюзий в английской литературе И. В. Гюббенет выделяет следующие: 1) Шекспир, 2) Библия короля Якова, 3) детские стихи, 4) литература древней Греции и Рима, а также классическая мифология, 5) английская классическая литература, отмечая при этом, что на этом список не ограничивается [Гюббенет 1991: 22].

Среди способов введения цитаты в текст И. В. Гюббенет отмечает: 1) указание подробной информации об источнике; 2) нарочито неверная адресация; 3) придание известным цитатам анонимного характера; 4) слияние авторского текста и цитаты; 5)

комментирование; 6) деформация и 7) обыгрывание [Гюббенет 1981: 11-15].

Цитата, будучи одной из основных категорий вертикального контекста, и по сей день продолжает изучаться в рамках данной теории, которая уже вышла за пределы художественных текстов. Продолжая активно развиваться в рамках школы англистики МГУ имени М. В. Ломоносова, вертикальный контекст в настоящее время уже рассматривается как составной элемент практически любого текста, будь то письменного или устного.

Важным этапом в изучении вертикального контекста стало развитие направления «филологическая топология». Следует отметить, что до формирования антропоцентрической парадигмы, в рамках которой основное внимание стало уделяться не столько обезличенной языковой системе, сколько самому субъекту (коллективному или индивидуальному) речевой деятельности, исследователи изучали преимущественно механизмы цитирования, а не реальное бытование цитат в речи. Оставались вне поля зрения вопросы о том, каким образом и в какой форме «осколки» мудрой мысли хранятся в памяти носителей языка и передаются от одного субъекта речевой деятельности к другому, что, безусловно, является неправомерным упущением. Однако с развитием филологической топологии вышеописанные проблемы получили свое глубокое осмысление.

Филологическая топология — это направление филологических исследований, которое занимается проблемами варьирования и установления инвариантности разнообразных филологических объектов — от отдельных слов до целых текстов [Полубиченко 2017: 3]. Начало ему положили профессора О. С. Ахманова и Л. В. Полубиченко, опубликовав в 1979 году в «Вопросах языкознания» статью, которая провозгласила рождение филологической топологии и обозначила основной круг ее вопросов [Ахманова, Полубиченко 1979]. Задачей филологической топологии стало изучение соотношения генетически родственных и/или филологически сопоставимых текстов, выступающих в качестве вариантов, на основе которых постепенно выкристаллизовывается некий инвариант.

Впервые топологический подход к анализу цитат в научных и художественных текстах был применен В. П. Андросенко в 1988 году [Андросенко 1988]. Выяснилось, что инвариант любой цитаты представляет собой диалектическое триединство структурного (формального), семантического и функционального аспектов, причем нередко определяющим оказывается лишь какой-то один из них. Так, в качестве ведущей стороны инварианта цитаты может выступать ее семантика. Такие цитаты, как правило, функционируют в речи в виде нескольких опорных слов, воплощающих в себе инвариантный смысл всего высказывания. Если на первый план выходит яркая запоминающаяся форма, то цитаты часто употребляются в виде каркаса, который свободно заполняется любыми контекстуально значимыми словами. Когда же на первый план выходит функциональный аспект, известное предложение, кардинально не меняясь ни по форме, ни по содержанию, подвергается определенной переоценке и изменяет свою функционально-стилистическую направленность.

Топологический подход также позволил проследить единый для часто воспроизводимых в речи художественных и научных цитат путь эволюционного перехода с этического на эмический уровень с постепенной трансформацией художественных цитат в крылатые выражения и далее – идиомы, а научных – в терминологические выражения, а затем – в термины. При этом некоторые цитаты иногда минуют промежуточные этапы этого развития, тогда как другие вовсе не доходят до последней ступени.

Развитие в конце XX века компьютерных технологий, а вместе с ними и текстовых корпусов, привело к настоящему прорыву в том числе в области филологической топологии. Стало возможным исследование огромных текстовых массивов устной и письменной речи разных типов и жанров, представленных в национальных корпусах изучаемых языков.

Впервые Британский национальный корпус был использован в рамках топологических исследований А. П. Корнеевой при изучении особенностей бытования английских библеизмов в письменных и устных текстах [Корнеева 2009]. Впоследствии в работе Т. В. Зотовой для

исследования бытования поэтических цитат в английской лингвокультуре помимо корпуса использовались данные сети Интернет, что позволило изучить употребление цитат на самом современном этапе [Зотова 2013]. В 2017 году топологические исследования цитат вышли за рамки одного языка. Автором настоящей статьи был проведен сопоставительный топологический анализ цитат с доминирующей формальной стороной и их переводных эквивалентов в современной английской и русской речи. Тем самым удалось подтвердить гипотезу о том, что, во-первых, в русской речи цитаты также могут употребляться в качестве каркаса для образования новых фраз, а во-вторых, бытование некоторых цитат оказывается, по существу, идентичным в разных языковых традициях [Бахтуева 2017].

На данном этапе топологические исследования цитат не ограничиваются лишь методами изучения варьирования/инвариантности, а включают в себя методы сопоставительного, корпусного, а также статистического анализа.

Литература

1. Андросенко, В. П. Цитата как элемент сообщения и как фактор эстетического воздействия: дис. ... канд. филол. наук / В. П. Андросенко. – М.: МГУ, 1988. – 206 с.
2. Ахманова, О. С., Гюббенет, И. В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова; И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1977. – № 3. – С. 47–54.
3. Ахманова, О. С., Полубиченко, Л. В. «Дифференциальная лингвистика» и «филологическая топология» / О. С. Ахманова; Л. В. Полубиченко // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 1979. – № 4. – С. 46–56.
4. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
5. Бахтуева, Е. С. Онтология цитат с доминирующим структурным инвариантом и их переводных эквивалентов в

- современной английской и русской речи: дипломная работа / Е. С. Бахтуева. – М.: МГУ, 2017. – 168 с.
6. Гюббенет, И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста / И. В. Гюббенет. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 205 с.
  7. Гюббенет, И. В. К проблеме понимания литературно-художественного текста (на английском материале) / И. В. Гюббенет. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. – 112 с.
  8. Зотова, Т. В. Национальная поэзия как составная часть вертикального контекста англоязычного дискурса (на британском материале): дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Зотова. – М.: МГУ, 2013. – 189 с.
  9. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
  10. Корнеева, А. П. Английские фразеологические единицы библейского происхождения в языке и речи: дис. ... канд. филол. наук / А. П. Корнеева. – М.: МГУ, 2009. – 296 с.
  11. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: ИГ Прогресс, 2000. – С. 427–457.
  12. Кудрина, Н. А. Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий / Н. А. Кудрина // Вестник ТГУ. – Томск, 2005. – С. 5–11.
  13. Лукин, В. А. Художественный текст: Основы теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов / В. А. Лукин. – М.: Издательство «Ось-89», 1999. – 192 с.
  14. Мурзин, Л. Г. Чужая речь и ее типология / Л. Г. Мурзин // Лексика. Грамматика: Материалы исследования по русск. яз. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1969. – С. 49–61.
  15. Петрова, Е. В. Цитация в письменном научном произведении: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Петрова. – М., 1987. – 17 с.
  16. Полубиченко, Л. В. Филологическая топология: теория и практика / Л. В. Полубиченко. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 280 с.

17. Полубиченко, Л. В. К обоснованию и развитию понятия вертикальный филологический контекст (На материале англ. поэзии): дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Полубиченко. – М.: МГУ, 1979. – 213 с.
18. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 139 с.
19. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.
20. Шагеева, А. А. Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте: на материале русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук / А. А. Шагеева. – Екатеринбург, 2005. – 216 с.

Свиридова Лариса Константиновна
Larisa Sviridova

К вопросу о сущности лингвистической категории тождества

To the question about the essence of the language category of identity

Аннотация: В статье рассматриваются основные положения, характеризующие тождество как лингвистическую категорию. В этой связи рассматриваются особенности систематизации слов в человеческом сознании по принципу тождества как единицы качества, допускающей свою количественную выраженность, закрепленную в словах. Валентноспособность появляющегося языкового знака определяет формирование речевых единиц, его падежную, родовую (если таковые есть в языке), числовую, фонемную и прочую нагрузку. С этой точки зрения выделительность рассматривается как способ раскрытия категории тождества. В общей сложности, в лингвистическом отношении категория тождества может раскрываться в двух противоположных направленностях: либо расчленяясь до все более детализированного выражения своей количественной нагруженности, либо проявляясь в свертывании составляющих ее значений.

Abstract: The article discusses the main provisions characterizing identity as a linguistic category. In this regard, the features of systematization of words in human consciousness are considered according to the principle of identity as a unit of quality, which allows its quantitative

expression, fixed in words. The valence ability of an emerging linguistic sign determines the formation of speech units, its case, generic (if any), language number, phonemic and other loads. From this point of view, distinctiveness is considered as a way of disclosing the category of identity. In total, in the linguistic respect, the category of identity can be revealed in two opposite directions: either by breaking up to an ever more detailed expression of its quantitative loading, or manifested in the reduction of its component values.

Ключевые слова: язык, категория тождества, выделительность, синонимия, идентификация

Key words: language, category of identity, distinctiveness, synonymy, identification

Понятие тождества, как известно, предполагает наличие, по меньшей мере, двух объектов, находящихся в поле зрения по сопоставлению их с точки зрения качества, количественного объема, веса и прочих признаков местонахождения или пространственно-временной дислокации.

Толковый словарь русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова дает следующее определение тождеству, рассматривая его как «основной закон формальной логики, согласно которому понятия в процессе мышления остаются тождественными себе и неизменяемыми». [7, т.4, с.724].

При этом тождеством именуются также такое состояние, когда два или несколько сравниваемых предметов или явлений, представляя собой то же самое, вполне совпадают, являются современно одинаковыми. Философское понятие абсолютного тождества представлено формой «а (есть) то же, что и b» или «а тождественно b».[5]. В алгебре абсолютное тождество – равенство, справедливое при всех числовых значениях, входящих в него букв. [2].

Таким образом, исходя из имеющих определений, тождество предполагает непременную равнозначность сопоставляемых фигур (как объектов, явлений, событий или действий), где действует закон обязательного равенства по формуле «x» = «y».

Эта формула, будучи верной, естественна и для языка как общечеловеческого явления, на наш взгляд, некоторые (и весьма существенные) изменения в речи, в силу которой наблюдается та линия эволюционного развития языка, благодаря которой происходит не скачкообразное, а постепенное этапирование языковых значений и те изменения в их лексической, фонетической и, наконец, грамматической

выраженности, которые приводят к существованию иной фонетической системы и, главное, полному изменению грамматического строя, т.е. его переходу, например, из синтетического в аналитико-корневой, как это имеет место в ходе эволюции английского языка.

Для подтверждения своей мысли начнем с того, что в условиях объективной жизни общества язык, будучи средством речевой коммуникации (т.е. общения, которое объединяет все сферы жизнедеятельности – и бытовую, и социальную, и экономическую, и эстетическую, и культурную, и религиозную и, наконец, политическую), обязательно основывается на тождестве явлений, составляющих окружающую его действительность. Но само восприятие этих явлений (под которыми подразумеваются, естественно, предметы, события и т.д.) выступает лишь как идеальная точка или исходно мыслительный плацдарм, от которого человек ведет сопоставление, а следовательно, и само осознание при нахождении общих и различительных черт. И, поскольку, этот процесс составляет неотъемлемую часть осознания как процедура тождества, то на этом основании можно сделать первый вывод: как правило, тождество является результатом длительного процесса нахождения идентичных черт, позволяющих объединить сопоставляемые явления в класс тождественных.

Значит, результативная формула формальной логики находит в лингвистике так же пути своей реализации, когда сам процесс может иметь наряду с конечной абсолютно тождественной завершенной формой еще и целый ступенчатый ряд форм, который входит в понятие тождественных, но как бы останавливающихся в своем движении на той или иной ступени, не достигая формальной унификации по формуле «х» = «у».

В таком случае возникает вопрос: в чем суть данного процесса и, если он носит в языке универсальный характер, то можно ли говорить о нем, как о внутренней сущности категории тождества.

Известно, что в лингвистике понятие тождество (закрепленное в абсолютном равенстве значений нескольких слов) явление весьма разное. Обычно словари, рассматривая такие слова, называют их полными или абсолютными

синонимами, в качестве примеров приводятся такие как языкознание и языковедение, бегемот и гиппопотам и т.п., указывая при этом на их немногочисленность. Мы полагаем, что даже эти примеры, имея терминологический характер, то есть характер, который должен указывать на их абсолютное равенство, с лингвистической точки зрения не отвечает признаку абсолютности, так как «знание» и «ведение» имеют несколько иной оттенок значения: знания – это объем информации, а ведение – это путь к получению объема информации. Так же и во второй паре примеров имеет место различие в научной сфере вхождения этих зоонаименований в язык и некоторые варианты несовпадения в сфере их применения.

Итак, анализируя понятие тождество в его лингвистической сущности, мы считаем возможным сформулировать второй вывод: тождество не монолитно, а в силу ступенчатости своего содержания предлагает не только абсолютное равенство сопоставляемых явлений, но и их относительную идентичность.

Последнее позволяет выделить в них поле антонимической идентификации, которое имеет количественную шкалу своего функционирования в речи. Данная шкала, будучи связана с синонимичностью, выходит за ее пределы в иное поле понятийных отношений, формирующих тождество, как лингвистическую категорию.

В этом плане обратимся к тому, как трактуется синонимичность в «Словаре лингвистических терминов» под ред. профессора О.С. Ахмановой. Имеем: синонимия (синонимика)-совпадение по основному значению, обычно при сохранении различий в оттенках и стилистическом характере слов, морфем, конструкций и фразеологических единиц [6, с.407].

Итак, если синонимия – это совпадение слов лишь по их основному значению, то это значит, что в словарях существует еще не только совпадающее, но и разделяющее значение, выводящее то или иное сравниваемое слово за грань идентифицирующего явления, т.е. за грань тождества. И этот различие представляет собой тот остаток, который не вписывается в шкалу тождества, как в исходную единицу, и меняет его «количественный» вес. Иначе говоря, если тождество

выступает как смысловое, грамматическое, динамическое понятие (логику и математику мы здесь не затрагиваем), то идентифицирующая мера позволяет слову функционировать в поле тождественного понятия. Например: слова типа: снегопад, выюга, метель, пурга, буран, в той или иной мере тождественны, так как передают непогоду в зимних условиях ее проявления. Иначе говоря, они связаны с дополнительным набором словарных единиц, характеризующих условия их применения (типа: мороз, зима, холод, ненастье и т.д.).

Объективность как данного явления в природе, так и его словарного отражения в языке указывает, во-первых, на расчлененность этих словарных единиц, то есть на их одноцелостную тождественность, и, во-вторых, на их различную количественную нагруженность по передаче той доли значения, которая является тождественной для них всех.

Поэтому, если само понятие ненастья в его сезонном проявлении мы условно представим себе как гипотетическую единицу (1), то ряд приведенных выше слов будет иметь своего рода нагнетающую увеличивающую меру своего выражения, типа:

Таблица 1.

Снегопад →	выюга →	метель →	пурга →	буран →	зима, мороз, ненастье
0,1	0,2	0,5	0,7	0,9	1

Мы условно ставим увеличивающуюся долю качества.

При таком положении можно говорить о вечном законе, характеризующем тождество как лингвистическую категорию. Словарный состав языка группируется в нашем сознании не хаотично, а по принципу тождества, как той единицы качества, которая допускает свою количественную выраженность, закрепленную в словах, каждое из которых идентично общей для них единице качества и в то же время не покрывает ее полностью.

Этим объясняется, на наш взгляд, два момента:

1) почти полное отсутствие абсолютных, то есть полных синонимов;

2) постоянно возрастающее количество новых словесных единиц, несущих в себе дополнительную количественную нагрузку, и поэтому имеющих свое относительно самостоятельное значение в общем поле тождественных для них единиц качества.

Аналогичные явления наблюдаются и в фонетике, где фонема как единица качества включает в себя ряд аллофонов, составляющих нижний и верхний предел допустимости ее понимания (то есть $1 = (0, 1 \rightarrow 0,9)$). И эти количественные колебания могут быть наделены устойчивыми свойствами и сохраняться на такой исторической длительности промежутков времени, чтобы эволюционировать вплоть до встраивания в ткань языка (ср., например, распространенные восточные среднерусские окающие говоры (Владимирско-Поволжская группа), восточные среднерусские акающие говоры в ряде регионов Центральной России, мягкое цоканье распространенное в северных и северо-восточных говорах севернорусского наречия, твёрдое цоканье распространенное в южной части ареала восточных среднерусских говоров, использование «ш» вместо «х» в Тюрингии и т.д.).

Очень ярко этот процесс количественной деформации исходной тождественной единицы проявляется и в грамматике, где определенное грамматическое понятие (например, гендерность) начинает девальвироваться в связи с перемещением ударения на корневую часть слова. В результате идет обратный процесс: категория тождества не стимулирует развитие и рост в языке количественного разнообразия форм по оппозиции женского, мужского и среднего родов, а наоборот, проявляет себя в не процессе количественного усиления, а в процессе количественного облегчения форм грамматического рода, сводя их к нейтральному местоимению “it”, унифицируя систему окончаний, которая в древнеанглийский период сохраняла свою дифференциацию по всем трем родам.

Таким образом, в лингвистическом отношении, категория тождества, не утрачивая статус качественно единой сущности, которую мы условно приравниваем к единице, может либо расчлняться по сути все более детализированного выражения своей количественной нагруженности - в этом случае, имеет

место активные рост выражающих ее фонетических форм, словарных единиц, или грамматических структур. Либо этот процесс может иметь противоположную направленность и проявляться в свертывании составляющих ее значений. В таком случае происходит количественная деградация тождества, так как число представляющих ее фонетических форм, словарных единиц или грамматических выражений не получает своего количественного роста. Имеет место своего рода «съеживание», идущее или к архаизации понятия, когда такие слова, как например, виды рыцарской амуниции (типа: «забрало», «кольчуга», и т.д.), особенности средневекового уклада сельского хозяйства (типа: «мотыга», «вяхирь»), или домашнего быта (типа: «веретено», «гривна», «запояска», «веретье») переходят в разряд историзмов и архаизмов.

В ряде случаев этот процесс оказывается тупиковым, поскольку тождество как понятие, представляющее речеспособную единицу, перестает расщепляться или активно функционировать в своей количественной устойчивости, то есть оно оказываются недееспособным, поскольку не принимает активно действенного участия в речевой коммуникации индивидов, говорящих на данном языке.

В подобном случае категория тождества имеет регрессирующий характер и представлена условно выделенной нами единицей по линии, сводящейся к нулю, то есть категория тождества находится в регрессе:

$$1 \rightarrow 0,9 \rightarrow 0,8 \rightarrow 0,7 \rightarrow 0,6 \rightarrow 0,5 \rightarrow 0,4 \rightarrow 0,3 \rightarrow 0,2 \rightarrow 0,1 = 0$$

В случае обратного движения процесс количественного дробления, общего понятия тождества, которое представляется в целом ряде постоянно возрастающих единиц языка, предполагает количественную детализацию каждого знака (и слова в том числе), то есть требуя его обязательной языковой маркированности, основывается на базе совсем иной речевой регламентации. Такой регламентацией оказывается значение выделительности, с помощью которого получает реализацию функционирование слов в речи.

Выделительность представляет собой антитожественную количественную методику качества, которая определяет валентноспособность появляющегося языкового знака, его

падежную, родовую (если таковые есть в языке) числовую, фонемную и прочую нагрузку, которая позволяет ему формировать речевые единицы в сфере языка, передающие понятие того или иного тождества. Например: «affection» как менее сильное в количественном отношении слово по сравнению со словом «love» или «красная» как слово более сильное в количественной доле признака, чем слово «розовый».

Поэтому, выделительность рассматривается нами как способ раскрытия категории тождества или иначе: как внутренняя пружина, с помощью которой категория тождества получает свою конкретизацию в речи.

Идентификация выполняет несколько иную функцию: она является бифункциональной величиной в системе языковых изменений, поскольку, с одной стороны, именно идентификация определяет отнесенность любого языкового знака (независимо от времени его языкового существования) к качеству того тождества, о котором идет речь в процессе коммуникации.

Таким образом, идентификация, с одной стороны, не отождествляет, но ведет мысль к более или менее близкому отождествлению сравниваемых единиц языка. С другой стороны, идентификация, основываясь на выделительности, определяет количественную нагруженность каждой выделенной части внутри сопоставляемых знаков и представляет их в виде отдельных единиц языковой системы, но функционирующих в строго определенных количественных рамках единого для данных объектов тождественного поля.

Литература

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. 896 с.
2. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. [Электронный ресурс] <http://w2.ict.nsc.ru/jspui/bitstream/ICT/951/3/vit.pdf>
3. Кошечая И.Г. Проблемы языкознания и теории английского языка. Теоретический курс. Лимитативная

сущность языковых категорий (к проблеме знака и значения). Книжный дом «ЛИБРОКОМ, 2012 г., 12 п.л.

4. Лекант, П. А. К вопросу о категории тождества в русском языке // Средства номинации и предикации в русском языке: межвуз. сб.науч. тр. М., 2001. С. 3–7.
5. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс] https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedia
6. Словарь лингвистических терминов под ред. профессора О.С. Ахмановой. М., 1966. С. 476.
7. Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Проф. Д. Ушакова.- М.: ТЕРРА- Книжный клуб, 2007.- 752 с.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ЛЕКСИКОГРАФИЯ

Борисова Любовь Ивановна
Lyubov' Borisova

Специализированный словарь для переводчиков

Specialized Dictionary for Translators

Аннотация: Рассматриваемый в статье словарь является руководством к выполнению качественного перевода. Отмечены особенности перевода общенаучной лексики, включенной в словарь. Рассмотрены принципы организации и представления лексического материала. Проанализирован лексический состав, а также новые эквиваленты, используемые для передачи соответствующих лексических единиц. Словарь может быть полезен в процессе выполнения профессиональных переводов, а также при обучении переводчиков.

Abstract: The dictionary discussed in the paper is a guide to effective translating. The special feature of scientific words in this dictionary are outlined. The principles of the arrangement and representation of the lexical material are discussed. The structure of the dictionary is described. The lexis and new equivalents to transfer the lexical units are analyzed. The dictionary can be helpful in professional translation and in translators training.

Ключевые слова: словарь, научно-технический, перевод, лексика, общенаучная, структура, эквивалент

Key words: dictionary, scientific-technical, translation, general scientific words, structure, equivalent

Разработанный нами «Англо-русский и русско-английский словарь-справочник общенаучных неологизмов» [Борисова Л.И., 2010] содержит общенаучную лексику, вызывающую затруднения при переводе научно-технических материалов. Этот словарь главным образом ориентирован на профессиональных переводчиков научно-технических и других специальных текстов. Он может быть также полезен широкому кругу лиц, занимающихся чтением и переводом литературы по специальности, изучением текстов современной коммуникации, преподаванием перевода в технических и гуманитарных вузах, изучением теоретических, методических и практических проблем перевода.

Лексика, включенная в словарь, отбиралась в процессе сопоставительного анализа научно-технических переводов. Отбор лексики и ее лексикографическое описание

осуществлялось с учетом переводческой направленности словаря и удовлетворения требованиям такого типа словаря, как словарь-справочник [Щерба, 1974]. В него включены общенаучные слова, вызывающие определенные трудности при переводе с английского языка на русский [Борисова, 2008]. В соответствии с нашим подходом, за общенаучные слова нами принимаются любые слова-нетермины, функционирующие в языке науки и техники, обладающие определенной качественной спецификой по сравнению со своими характеристиками в общем языке, значения которых в основном не меняются от подъязыка к подъязыку, обозначающие как основные общенаучные поднятия, так и самые разнообразные и различные понятия общенаучного обихода, а также выполняющие связующую, организующую и оценочную функцию в языке науки и техники [Борисова, 2008]. Слова-нетермины в общенаучном использовании зачастую выступают в новых специфических значениях, отличающихся от своих значений в общем языке. Именно трудности перевода общенаучной лексики, реальные ошибки переводчиков послужили основанием для ее двуязычного описания и включения в словарь. таким образом в словарь-справочник отбирались слова, на которые необходимо обращать внимание при передаче в англо-русских научно-технических переводах. Можно выделить три основные группы слов, вызывающих затруднения при переводе: «ложные друзья переводчика» (avenue, niche, talent, companion, scenario, provocative, elegant, history, intrigue, etc.); слова с широкой семантикой (feature, treat, treatment, associate, meaningful, available, useful, etc.); стилистически окрашенные лексические средства (excellent, remarkable, striking, attractive, extremely, severely, gracefully, etc.). Включенные в словарь-справочник английские общенаучные слова, а также их новые русские переводные эквиваленты мы называем общенаучными неологизмами, поскольку английская лексика в самих научно-технических контекстах приобретает определенную специфику и воспроизводится на русский язык новыми переводными эквивалентами, причем эти эквиваленты в основном носят регулярный характер. В словарь также было внесено небольшое количество эквивалентов, являющихся

нерегулярными, однако весьма удачными и перспективными для использования в научно-технических переводах.

В перечень переводных эквивалентов заглавных слов по возможности включалось максимальное количество переводных эквивалентов. Так, глагол широкой семантики *handle* имеет в словаре-справочнике 28 новых регулярных русских эквивалентов, прилагательное *meaningful* – 33, глагол *contribute* – 14, прилагательное *unique* – 21, прилагательное *available* – 11, наречие *admittedly* – 15. Многие из новых общенаучных эквивалентов, включенных в словарь, являются не дополнительными к эквивалентам, зарегистрированным в словарях, а основными в научно-техническом переводе.

Словарь-справочник имеет следующую структуру: 1) предисловие с краткой характеристикой словаря; 2) раздел I с описанием лексических трудностей перевода и обоснованием их лексикографического представления; 3) раздел II – англо-русский и русско-английский контекстологический словарь-справочник общенаучных неологизмов (основа, основной каркас словаря), содержащий английские заглавные слова с русскими переводными эквивалентами и двуязычным иллюстративным материалом, за которым следуют два указателя (английских слов и русских эквивалентов с соответствующими страницами; 4) раздел III – краткий англо-русский словник, содержащий английские слова из основного корпуса словаря с русскими переводными эквивалентами без примеров их употребления в контекстах.

Остановимся подробнее на разделе II – контекстологическом словаре-справочнике общенаучных неологизмов (основном каркасе словаря). Каждая словарная статья содержит заглавное английское слово, русские переводные эквиваленты и иллюстративные примеры (английские предложения, содержащие английские заглавные слова и русские переводы этих предложений). В словаре-справочнике осуществлена адекватная переводческая семантизация английских слов с учетом их реального функционирования в научно-технических контекстах. Семантизация слов производилась при помощи переводческих эквивалентов, выявленных в процессе сопоставительного

анализа англо-русских переводов, а также примеров. Из спектра переводных эквивалентов, описывающих контекстные значения соответствующих английских слов, были отобраны регулярные и структурированы по отдельным переводным значениям, которые они передают. Выделение и группировки эквивалентов (переводных значений) осуществлялась главным образом по принципу частотности соответствующих эквивалентов в переводах с учетом того, чтобы их было удобно использовать при переводе. В словарной статье арабской цифрой выделялись эквиваленты, передающие самостоятельные (основные) контекстные значения, точкой с запятой – эквиваленты, передающие далекие контекстные значения, а запятой – эквиваленты, передающие близкие значения. Вместе с тем, в целях привлечения внимания переводчика к определенным эквивалентам в отдельных случаях довольно близкие по значению эквиваленты выделялись арабскими цифрами.

Нами был принят принцип расположения переводных эквивалентов по их употребительности в научно-технических переводах: более частотные эквиваленты вынесены в начало перечня эквивалентов, менее употребительные – в конец. Такое расположение является наиболее удобным для использования при переводе. В качестве иллюстраций в словаре-справочнике использовались как законченные, так и неполные предложения, полученные в результате усечения законченных предложений. Из полных предложений были «урезаны» части предложений, которые не содержали заглавного слова, непосредственно не иллюстрировали его употребление и не раскрывали его значения (без которых, в принципе, можно было обойтись, чтобы придать иллюстративному материалу более «лексикографический вид»). Экземплификация при помощи текстовых отрезков (полных и усеченных предложений) – наиболее эффективных прием семантизации слов иностранного языка в переводческом словаре. С одной стороны, такая экземплификация необходима для подтверждения новых общенаучных переводных эквивалентов, рекомендуемых в словаре-справочнике, а с другой – этот прием позволяет переводчику получить представление как о некоторых возможностях сочетаемости включенных в словарь слов, так и о синтаксических конструкциях, в которых они встречаются. Это

особенно важно при использовании словарного материала при переводе на иностранный язык. При наличии двуязычного иллюстративного материала словарь-справочник становится переводческим средством двуязычной направленности, ориентирующим переводчика как в англоязычной, так и в русской языковой ситуации. В словаре представлена новая информация о многих общенаучных словах. В связи с этим, приведение конкретных контекстов, в которых проявляются отдельные актуальные значения общенаучных слов, является необходимым.

Основным принципом, реализованном при разработке словаря-справочника, было показать специфику употребления общенаучных слов в научно-технических контекстах, которая практически не отражена ни в терминологических, ни в общих переводных словарях, что и нашло отражение как в англо-русском, так и в русско-английском оформлении словарной статьи, а также всего словаря-справочника в целом. Словарь содержит переводные эквиваленты английских общенаучных слов, которые можно непосредственно использовать в процессе перевода. В него включена трудная для перевода лексика, которая реально встречается в переводимых научно-технических материалах, является характерной для текстов любых подязыков научно-технической литературы.

Литература

1. Борисова Л.И. Англо-русский и русско-английский словарь-справочник общенаучных неологизмов (лексические трудности научно-технического перевода). М.: Тезаурус, 2010. 583 с.
2. Борисова Л.И. особенности и трудности англо-русского научно-технического перевода. М.: Тезаурус, 2008. 236 с.
3. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии// Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265-304

Данилова Дарья Дмитриевна
Darya Danilova
Касаткина Наталья Николаевна
Natalya Kasatkina

Анализ употребления слова «game» в газете Daily Mirror на основе номинативного поля концепта

Analysis of the use of the word "game" in the Daily Mirror newspaper based on the nominative field of the concept

Аннотация: Данная статья является попыткой проанализировать эмоционально-экспрессивную окраску употребления слова «game» с целью выявления отношения людей, использующих данное слово в печатных изданиях. Для этого было построено номинативное поле концепта (содержащее ядро и периферию). В качестве материала исследования взяты статьи онлайн версии британского таблоида, датированные 2017-2019. Выбор газетно-публицистических текстов обусловлен тем, что пресса является одним из самых динамичных и экспрессивных способов отражения общественной жизни. В статье представлены результаты анализа статей, содержащих слово «game». Некоторые элементы структуры поля (синонимы, идиомы и сленг) с положительной, отрицательной и нейтральной окраской распределены по группам. Также проанализирована эмоционально-экспрессивная окраска употребления ключевого слова в статьях. Результаты представлены в числовом и процентном соотношении, для большей наглядности сопоставлены данные анализа элементов структуры поля и употребления слова в статьях.

Abstract: This article is an attempt to analyze the emotional and expressive coloring of the usage of the word "game" in order to identify the relationship of people who use the word in print media. The nominative field of the concept, comprising the core and the periphery, was created for this purpose. British online tabloid articles dated 2017-2019 were the basis of the research. The choice of journalistic newspaper texts was determined by the fact that the press is one of the most dynamic and expressive methods of reflecting public life. The results of the analysis of the articles are presented in the paper. The results comprise the analysis of the articles that include the word «game». Some field structure elements (synonyms, idioms, slang) with positive, neutral and negative emotional coloring were divided into groups. Also we explored the emotional and expressive coloring of the usage of the key word in the articles. Results presented in a numerical relation and percentage ratio, for descriptive reasons, the data of the analysis of the field structure elements and the usage of the word in the articles are compared.

Ключевые слова: концепт, номинативное поле концепта, ядро номинативного поля, периферия номинативного поля, британский таблоид, игра.

Key words: concept, nominative field of a concept, core of the nominative field, periphery of the nominative field, British tabloid, game

В последние годы в гуманитарной отрасли научного знания все больше внимания уделяется вопросам соотношения языка и культуры, языка и национального менталитета, языка и национального сознания. В связи с этим переосмысливаются,

объект исследования, подходы и методы описания и изучения языка. В наши дни область применения концептов значительно расширилась. Благодаря их созданию IT-специалисты получили возможность научить машину понимать человеческий текст.

Цель данной работы – анализ употребления слова «game» в газете «Daily Mirror». Актуальность данной работы состоит в том, что в настоящее время понятию концепт уделяется все больше внимания. Ученые строят номинативные поля концептов различных слов, как русских, так и английских. В итоге из всех похожих работ можно составить банк номинативных полей концептов и использовать его в дальнейшем для обучения искусственного интеллекта пониманию человеческих текстов. Новизна данной работы заключается в том, что построению номинативных полей концептов уделялось мало внимания, так как это новое явление. Мы решили изучить вопрос более подробно, применяя концепт на практике для анализа статей из газеты. Объект исследования: употребление слова «game» в газете «Daily Mirror».

Основным понятием когнитивной лингвистики является концепт, но поскольку это понятие абстрактное существуют разные варианты толкования концепта. Например, С.А. Аскольдов-Алексеев определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода [2]. А В.И. Карасик характеризует концепты как ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта [3]. М.В.Пименова отмечает: «Что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира» [4]. Очевидно, что выше представлены далеко не все варианты определения концепта, но, по нашему мнению, эти толкования наиболее полно и понятно раскрывают сущность данного понятия.

Концепт, будучи ментальной единицей, может быть описан через анализ средств его языковой объективации. Совокупность языковых средств, вербализующих концепт определяются З.Д. Поповой и И.А. Стерниным как номинативное поле концепта.

Теперь обратимся непосредственно к проблеме формирования номинативного поля. При исследовании данного вопроса мы опираемся, в основном, на модель, предложенную З. Д. Поповой и И.А. Стерниным в научной работе «Когнитивная лингвистика» [2]. Модель, описанная в книге, широко используется научным сообществом при анализе различных концептов и их номинативных полей.

Номинативное поле концепта включает в себя ядро и периферию. Ядро номинативного поля – это ключевое слово и его синонимы. Ключевое слово – это определяемая исследователем лексическая единица, которая наиболее полно номинирует исследуемый концепт [5, с.125]. Мы взяли слово «game», потому что оно входит в список 1000 самых часто используемых английских слов, где занимает 561 место [13]. Также это слово довольно часто употребляется и в русском языке, но большинство значений в этих языках отличаются. Например, в «Большом толковом словаре русского языка» дано лишь 5 определений слову «игра», в то время как в одном только «Cambridge Dictionary» - 10 [1]. Из них всего 3 значения совпадают.

Для установления периферии номинативного поля существует множество методов, значительно дополняющих картину: например, построение лексико-фразеологического поля ключевого слова (подбор синонимов и антонимов), построение деривационного поля ключевого слова (подбор производных слов), построение паремиологического поля концепта (подбор пословиц, поговорок и крылатых выражений), анализ идиом и сленговых выражений.

Таким образом, было составлено номинативное поле концепта слова game. Далее мы разделили на группы синонимы и идиомы. В качестве критерия для разделения на группы взят критерий эмоционально-экспрессивной окраски единиц номинативного поля.

Далее мы перешли к анализу употребления ключевого слова в контекстах. В качестве материала для анализа контекстов была выбрана газета «Daily Mirror»- первая ежедневная британская газета. С момента её появления и до 70-х годов прошлого века она считалась доминирующей среди таблоидов.

Просмотрев все статьи, содержащие ключевое слово, за последние 2 года (до 30.03.2019), для удобства оформления результатов анализа мы решили разделить их на две группы: статьи, содержащие слово “game” в заголовке и тексте статьи, и статьи, содержащие слово “game” только в тексте самой статьи. Всего было проанализировано 129 статей, из них к первому типу относятся 101 статья, а ко второму 28.

Обратимся непосредственно к результатам.

Синонимы слова «мигрант» распределены в соотношении 24 положительных/33 нейтральных/27 отрицательных (29%/39%/32%). Очевидно, преобладает группа синонимов нейтральной окраски.

Положительные	Отрицательные	Нейтральные
Amusement	Distraction	Pastime
Diversion	Divertissement	Sport
Entertainment	Tomfoolery	Contest
recreation	Foolery	Competition
play	Mummery	Match
fun	Buffoonery	Tourney
merriment	clowning around	Regatta
frolic	horseplay	Meet
merrymaking	monkey business	Joust
joviality	escapade	Duel
jollity	spree	Tournament
jollification	run-off	Bout
prank	sudden death	Round
encounter	showdown	athletic event
engagement	scheme	Olympics
contrivance	artifice	Decathlon
stratagem	trick	Marathon
invention	machination	Scheme
joke	manipulation	Schema
practical joke	evil intentions	Design
jesting	monkeyshines	Plan
spirit	kidding around	Scenario
pluck	fooling around	Script
mettle	goofing	Strategy

	prey quarry racket	Device Shift wild animal wild fowl occupation profession trade industry enterprise

[12].

Далее мы проанализировали идиомы [7;8;9;10;11]:

Положительные: be ahead of the game, be still in the game, the name of the game, on your game, the only game in town, play the game, play somebody's game, be a game of two halves, game on, the game people play, be a game, somebody got game.

Отрицательные: beat somebody at their own game, be a game, be out of the game, fun and games, game over, give the game away, a mug's game, off your game, play a game of cat and mouse, play silly games, two can play at that game, game is up, a game of chance, be on the game, make game of somebody.

Нейтральные: be back in the game, game on, numbers game, the rules of the game, talk a good game, what's your game, be new to this game.

Мы обратили внимание, что большее количество идиом имеют отрицательное значение. В основном это связано с одним из определений ключевого слова, обозначающим обман кого-либо («a trick»).

Проанализировав сленг, мы обратили внимание что все выражения имеют отрицательную окраску [6].

Далее мы изучили контексты, в которых употребляется слово game и сделан вывод о процентном соотношении оттенков значений, которые может иметь ключевое слово в газете «Daily Mirror»: положительные – в 51% случаев, отрицательные - в 19%, а нейтральные – в 30%.

На основании полученных результатов исследования можно сделать следующие выводы:

Ключевое слово имеет много значений, соответственно, немало синонимов, которые имеют разную окраску: положительную - в 29% случаев, отрицательную – в 32%, и нейтральную – в 39%.

Также разную окраску имеют значения идиом: положительную - в 35% случаев, отрицательную - в 44%, нейтральную - в 21%.

Важно отметить, что при построении номинативного поля концепта слова «game» преобладали отрицательные и нейтральные лексемы, а практика показала, что люди чаще используют данное слово с положительной окраской.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка./ ред. Кузнецов С.А./ СПб.: Норинт, 2000, 1536 с.
2. Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово // С.А. Аскольдов-Алексеев // Русская речь. Новая серия. Вып. II. Л., 1928, с.4.
3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004, с. 59.
4. Пименова, М.В. Предисловие./ Введение в когнитивную лингвистику./ под ред. М.В.Пименовой. Вып.4. Кемерово: 2004, с. 8.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика/ М.: Восток-Запад, 2007. – 226 с.
6. Ayto John. The Oxford Dictionary of Slang. – Oxford University Press, 1999. – 475p.
7. Cambridge International Dictionary of English. Cambridge University Press, 2001.— 546p.
8. Cambridge Business English Dictionary. - Cambridge University Press, 2011. – 958p.
9. Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford, 2005. – 1905p.
10. Longman Dictionary of Contemporary English. – Harlow.: Longman, 2001. – 537p.

11. Longman Business Dictionary/[Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/game> (дата обращения 02.02.19)
12. Rodale J.Y. The Synonym Finder. USA, 1986. – 1368p.
13. Википедия.- свободная энциклопедия/ [Электронный ресурс] - Режим доступа: [https://en.wikipedia.org/wiki/The_Game_\(rapper\)](https://en.wikipedia.org/wiki/The_Game_(rapper)) (дата обращения 20.03.19)
14. Daily Mirror/ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.mirror.co.uk/> (дата обращения 29.03.19)

Ли Ан
Ang Li

Культурно-языковые ценности русских пословиц в восприятии китайцев-русистов

Linguocultural values of Russian proverbs in the perception of Chinese students of Russian

Аннотация: Настоящая статья сосредоточена на общенародных культурно-языковых ценностях русского мира, отражённых в знаменитых русских пословицах и их вариациях, которые пользуются большой популярностью у китайцев вообще и китайцев-русистов в особенности.

В пословицах выражается свойственный народу склад ума, способ суждения, особенности мировоззрения; в них проявляются быт, нравы и обычаи, дух и характер, верования и суеверия – всё это вместе обуславливает непреходящую ценность этих пословиц, и для учёных, и для педагогов, и для изучающих русский язык как иностранный.

Именно поэтому они стали важной частью для преподавания русского языка как иностранного в Китайской народной республике и вызывают большой интерес у студентов.

Изучение пословиц помогают китайцам-русистам лучше понять жизнь и ментальность русского народа, соответственно, повышают их уровень владения русским языком и способствуют более успешной межкультурной коммуникации.

Abstract: The article deals with general linguocultural values of the Russian world reflected by Russian proverbs and their variations which are very popular with Chinese people in general and Chinese teachers of Russian, in particular.

Proverbs express the nation's mentality and world view, they reflect the national character, traditions, everyday life, beliefs, etc. All this determines the permanent value of proverbs for scholars, teachers and students of Russian as a Foreign Language (RFL).

That is why proverbs are regarded as an important part of RFL teaching in China.

Learning the proverbs help Chinese students of Russian to understand Russian people's life and spirit better and more deeply which increases their level of knowledge of Russian and helps to make the intercultural communication more successful.

Ключевые слова: пословицы, культурно-языковые ценности, межкультурная коммуникация, китайцы-русисты.

Key words: proverbs, linguocultural values, intercultural communication, Chinese students of Russian.

Пословица – это устойчивое в речевом обиходе, ритмически и грамматически организованное изречение, в котором зафиксирован практический опыт народа и его оценка определённых жизненных явлений.

Пословицы – это народное искусство слова, или устное народное творчество. Оно отражает представления народа о мире, добре и зле, о справедливости. В нём выражены эстетические идеалы и вкусы народа, народная психология.

Пословицы демонстрируют разные стороны действительности, они характеризуют человека, общественные отношения, мировоззрение, природу. Как отмечал К.Д. Ушинский, в пословицах «отразились все стороны жизни народа: домашняя, семейная, полевая, лесная, общественная; его потребности, привычки, его взгляды на природу, на людей, на значения всех явлений жизни». Многие пословицы основаны на реальных исторических событиях и ситуациях (например, *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день* и др.). (К.Д. Ушинский) [1]

В русской речи довольно часто звучат краткие, но удивительно мудрые, поучительные пословицы. Пословицы – миниатюрные поэтические произведения, в которых выражена народная мудрость, народная педагогика, народная оценка.

Пословицы служат эффективным средством общения между людьми. Одним из наиболее интересных пластов языка вне всяких сомнений являются пословицы. Несомненная ценность данных языковых единиц определяется тем, что, во-первых, они помогают экономить время при описании той или иной ситуации или при оценке какого-либо жизненного явления,

---

[1]. Ушинский К.Д. Педагогические соч. в 6-ти т. — Т. 2. — М., 1988. — С. 30.

а во-вторых, они легко интерпретируются адресатом. Важно подчеркнуть, что пословицы часто подвергаются вариациям, не изменяя своей основной структуры, приобретая, впрочем, совершенно новую семантику в новых, современных условиях, и, остаются любимыми у широких народных масс.

Задача этой работы заключается в том, чтобы максимально расширить объем восприятия культурно-языковой информации для изучающих русский язык как иностранный, чтобы рассмотреть особенности реальной жизни в современной России и выявить черты русского национального характера.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью культурно-языковых ценностей пословиц в восприятии китайцев-русистов. Во-вторых, использование пословиц в коммуникативном процессе делает нашу речь более богатой, сжатой, сочной и выразительной, придавая ей не только смысловую, но еще философскую и эстетическую нагрузку. Овладение пословицами неродного языка даёт человеку возможность лучше понять тонкости чужой антропологической культуры и продемонстрировать “высший пилотаж”, вызывая уважение в иноязычной среде.

Пословицы как народное искусство слова или устное народное творчество играют большую роль в формировании разносторонней, духовно и эмоционально богатой культурно-языковой личности.

Пословицы являются богатым культурно-познавательным ресурсом. Именно пословицы дают огромное количество информации о традициях и обычаях народов России. Китайцы-русисты заинтересованы в старых пословицах и в их новых вариациях, поскольку они дают возможность отразить жизнь людей, реализовать актуальную идею в краткой и доступной форме, напомнить о прошлом и заглянуть в будущее. Язык изменяется и развивается одновременно с развитием и прогрессом эпохи, и это находит отражение в пословицах. Иначе говоря, пословицы одновременно и отражают состояние национального языка, и формируют его.

Полноценное знакомство с русскими пословицами помогает китайцам-русистам глубже понять современную

русскую духовную культуру, глубже усвоить национальный язык русского народа.

Предметом исследования является лингвокультурологическое содержание пословиц в русском языке. Материалы для исследования взяты в основном из словаря В.И. Даля «Пословицы русского народа» и современных публикаций о русских пословицах. Многие пословицы и их вариации постоянно употребляют китайцы-русисты на речевой практике.

Взаимосвязанность языка и культуры, отражённая в русских пословицах

Пословицы, по утверждению В. Даля, «свод народной премудрости и суемудрия – это стоны и вздохи, плач и рыдания, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый». (В.И. Даль) [2]

В пословицах отражён богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное использование пословиц придаёт речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Национальный менталитет проявляется в отражении особенностей быта, обычаев, истории и культуры, главным образом в строевых его единицах, к числу которых мы относим и пословицы. Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных явлений действительности, отражая и формируя национальный менталитет.

Менталитет обусловлен национальными, культурными, историческими, географическими и социально-политическими особенностями жизни и деятельности людей. Поэтому его изучение обязывает учитывать влияние на поведение людей окружающих условий, быта, климата, традиций и других обстоятельств.

---

[2]. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Издательство Эксмо, Изд-во ННН, 2003. – 616 с.

Лингвокультурологический анализ пословиц неразрывно связан с внешними факторами: с историей страны, ее культурой, бытом и т.д. Исследование пословиц в лингвострановедческом аспекте помогает уточнить, а в ряде случаев установить дополнительные смысловые оттенки пословиц с национально-культурной семантикой.

Между тем, учитывая, что пословицы заключают в себе свод народного опыта и мудрости, имеет смысл проанализировать весь этот материал с точки зрения содержащейся в нём информации, или, по крайней мере, выявить главные его составляющие и рассмотреть основные отражённые в нём концепты.

Пословицы не только помогают лучше узнать жизнь, не только дают обобщения ее явлений, но нередко и объясняют их. Пословица нередко содержит в себе совет или поучение: *«Напрасен труд, когда нет порядка», «Каковы гости, таков и пир», «За недобрым пойдёшь, на беду набредёшь»*. В пословицах отражается стремление народных масс улучшить свою жизнь, звучит вера в лучшее будущее: *«Придет солнце и к нашим дверям», «Хоть сила и сильна, да не вечна»*.

Пословицы реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всем многообразии, они передают бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические народные взгляды. Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных явлений действительности, отражая и формулируя тем самым народное мировоззрение. И с этой задачей пословицы справляются весьма успешно. Их тематика поистине безгранична. Они охватывают решительно все стороны жизни человека, самые различные взаимосвязи между разными явлениями действительности.

Инклюзивность, отражённая в русских пословицах

В мире не существует народов плохих и хороших, у каждого есть свои сильные и слабые стороны. Русский народ не является в этом отношении исключением: он гостеприимен, терпелив, смирен, добродушен, храбр, верит в бога и надеется до последнего, дружелюбен, но вместе с тем и задирист, ленив, порой неуправляем, не всегда дальновиден и даже

легкомыслен... А вот в патриотических чувствах он однозначен и прямолинеен! Все эти черты нашли своё отражение в русских пословицах.

Бесконечно разнообразны человеческие характеры, да и одни и те же люди в разных ситуациях неодинаково оценивают одни и те же явления. Это порождает неоднозначные, часто противоречащие друг другу пословицы об одном и том же типе человека, человеческом качестве, об одной жизненной ситуации. Разночтения между пословицами бывают довольно часто. Сравним контрастные по мысли пары пословиц: *Простота дороже красоты\Простота хуже воровства; Умная ложь лучше глупой правды\Лучше горькая правда, чем сладкая ложь; Правда в огне не горит и в воде не тонет\Правда на дне моря отдыхает; Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня\Работа не волк – в лес не убежит.*

Иногда сами пословицы таят возможность превращения в свою противоположность. В старой пословице *Правда по миру ходит* сочетание *по миру ходит* может означать: побирается, питается подаянием, влачит жалкое существование; по-другому: *по миру ходит*, т. е. постоянно доступна всем, овладевающая миром.

Правдоискательство – это внутренняя духовная доминанта русской национальной личности. Оно отобразилось в следующих выражениях: *За правду Бог и добрые люди. Не в силе Бог, а в правде. Правда – свет разума. Кто за правду горой, тот истинный герой. На правду нет суда. Без правды веку не изживёшь.*

В народную среду проникли и пословицы, сложенные духовенством - они учили смирению и терпению: *«Без бога не до порога», «Никто не может, так бог поможет».* Были и пословицы, созданные не в крестьянской среде: *«Холоп что рогатина», «Смерда взгляд хуже брани».*

Характер народа и особенности его языка взаимовлияют друг на друга, вытекая из менталитета. Язык живёт в личности и хранит то, что можно назвать интеллектуально-духовными генами, которые переходят из поколения в поколение.

Традиционность, отражённая в русских пословицах

Русский характер в большой мере и традиционный, и реальный. В нём имеется и положительный элемент, и отрицательный. Он отражён не только в действиях героев разных эпох, но и в бытовой жизни народа. Русский характер, сложный, разносторонний, сформировавшийся под влиянием русской национальной культуры, является одновременно и носителем русской культуры. Особенно ярко русский национальный характер отражён в русских пословицах.

Гостеприимство русских славится во всём мире: Такие пословицы, как *Русский человек хлеб-соль водит; Будь как у себя дома; Красному гостю – красное место; Гость на гостя – хозяину в радость; Не спрашивают: чей, да кто и откуда, а садись обедать; Про гостя хорошие, а про себя поплоше* свидетельствуют о том, что у русских понимание гостеприимства весьма специфическое: они готовы не просто отдать лучший кусок, а поделиться последним, причём «рад не рад, а говори: милости просим!». Встретить, накормить, да ещё и дать что-нибудь напоследок очень естественно для русского человека.

Такие пословицы, как *На всякое хотенье есть терпенье; Русский терпелив до зачина; Русский задора ждёт* говорят о том, что русский народ отличается терпеливостью. В самом деле – русские терпеливы, но этого запаса хватает ненадолго, и, если кто-то на них нападёт, они ему ответят тем же: *Задирка дерёт дырку; Задор прореху рвёт; Задор силы не спрашивает; Он в долгу не останется; За словом в карман не полезет; Он и отмолчится так, словно отругает; Он и молчком ругнёт.*

Нелёгкая жизнь научила русских терпению и смирению, без этих качеств они бы просто не выжили: *Бог терпел, да и нам велел; За терпенье даёт Бог спасенье; Терпенье и труд всё перетрут; Оттерпимся – до чего-нибудь дотерпимся; Не гневи Бога ропотом, молись ему шёпотом; Капля камень долбит; Терпеть не беда, было б чего ждать; Не узнав горя, не узнаешь и радости; Худое видели, хорошее увидим; Всё на свете к лучшему.*

Все пословицы достаточно говорящи, они понятны без комментирования: *Умную речь хорошо и слушать; Умная голова сто голов кормит, а худая и себя не прокормит; Не копьём побивают, а умом.* Всё это выражает отношение русского

человека к разуму, к тому, что они уважают ум в других людях и жалеют, когда им самим порой его недостаёт. Русский народ отнюдь не глупый, иначе он не выжил бы во всех этих войнах.

Добро очень важно для русских людей, важно как воздух, которым они дышат: *Русский человек – добрый человек; Доброму Бог помогает; Делать добро спеши; Не устоять худу против добра; Лихо помнится, а добро век не забудется; Доброму добрая память; На ласковое слово не кидайся, на грубое не гневайся.*

Русский народ – один из самых храбрых и отчаянных народов мира, но эта храбрость порой граничит с безрассудством. Однако это ни в коем случае не умаляет их достоинств: *Русский человек – ста басурманам конец; Смелость города берёт; Кто смел, тот и съел; Смелый приступ – половина победы; Без отваги нет и браги.* Русский человек сам про себя говорит: *Я не робкого десятка; Не на того наскочил; Двух смертей не бывать, а одной не миновать; Бояться смерти – на свете не жить.* Они не боятся смерти и готовы умереть за то, во что верят.

Всем известно, что русские очень любят полагаться на следующие три слова: **авось, небось, да как-нибудь**: *Авось и рыбака толкает под бока; Авось живы будем; На авось мужик и хлеб сеет; Авось – великое слово.* Вся жизнь – это риск: *Либо пан либо пропал; Либо чужую шкуру добыть, либо свою отдать; Была не была; Либо полковник, либо покойник.* Потому они и рискуют, что «не проиграв не выиграешь», «попытка не пытка, а спрос не беда» и «На всяку беду страха не напасёшься».

Русский народ свято верит в Бога. Они относятся к Нему с безграничным доверием и уважением: *Жить – Богу служить; У Бога милости много; Не по нашим грехам Господь милостив; Даст Бог день, даст Бог и пищу; С Богом хоть за море, а без Бога ни до порога; Тот не унывает, кто на Бога уповает; Всё от Бога; Всяческое от Творца.* Но, делая что-то не угодное Богу, тут же себя оправдывают: *Нет такого человека, чтоб век без греха прожил; Люди тёмные: не знаем, в чём грех, в чём спасенье.* И сами себе отвечают: *Всякая неправда – грех.* Русские более чем терпимы к иноверцам: *Всяк по-своему Бога хвалит; Как ни молись, Бог всё услышит.*

Русские люди и хвастливы. Это не самая хорошая черта в них, но она есть, и от этого никуда не деться. Хотя в пословицах выказывается ироничное отношение к этому: *И умён, и пригож, да на дело не гожд; Пьяному море по колено, а лужа по уши; День пируют, а неделю голова с похмелья болит.*

Любовь к Родине считается – и, видимо, вполне справедливо – неотъемлемой чертой русского национального характера: *И кости по родине плачут (по преданию, в некоторых могилах слышен вой костей); Рыбам море, птицам воздух, а человеку отчизна вселенный круг; За отечество живот кладут (о воинах).*

Любовь к родине предполагает служение и преданность ей: *С родной земли умри – не сходи.* Заявление «Я родину продал!» из фильма «Гараж» сильно напугало всех присутствующих собрания. Несмываемым позором покрывает себя человек, предавший родину. Любовь к родине включает в себя и чувство тоски по родине, когда русский человек оказывается вдали от неё: *Скучно Афонюшке на чужой сторонюшке; На чужой стороне и весна не красна; На чужой сторонюшке рад своей воронушке; Родных нет, а по родимой сторонке сердце ноет.*

Пословицы всегда способствуют решению воспитательной задачи – воспитанию чувства патриотизма у учащихся. Для русского человека родина – важнейшая нравственная категория; любовь к родине для него изначально естественна. Только озлобленный или с извращённой психикой человек способен не любить то, что породило и вырастило его – свою страну, свой народ. Предпочитать родное чужому – нормальное явление, которое не может быть поводом ни для похвалы, ни для осуждения. Как говорится, *Глупа та птица, которой своё гнездо не мило.*

Агрессия и ксенофобия, отражённые в русских пословицах

Русские – добродушные, терпеливые, гостеприимные, готовые помочь друг другу, трудолюбивые, совестливые, патриотичные. В то же время в русской душе всегда остаётся иррациональный, неорганизованный и неупорядоченный элемент. Русский народ подвластен чувствам и эмоциям.

Вот что сказал И. М. Снегирёв: «Кажется, нигде столь резко и ярко не высказывается внешняя и внутренняя жизнь народов всеми её проявлениями, как в пословицах, в кои облекается его дух, ум и характер». (И.М.Снегирёв) [3]

В пословицах отражались социальные противоречия: крестьянин – помещик, бедняк – богач, крестьянин – поп. Пословицы всегда дают резкую оценку угнетателям народа. В них постоянны сатирические фигуры барина-пана, купца, судьи, попа: *«Купцы собираются, чтобы обирать людей»*, *«Всякому засуха, а попу сноп»*, *«Увидели у слепого один глаз, и тот хотяет у него вынуть»*.

В то же время следует признать, что дух ксенофобии и шовинизма, хоть в целом и чужд русскому фольклору, но в пословицах имеют место проявления презрительного, подозрительного и насмешливого отношения к другим народностям:

Кто цыгана (жида) обманет (проведет), трех дней не проживет.

У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька.

Надо особо подчеркнуть, что приведенные выше пословицы отнюдь не свидетельствуют о какой-то «ксенофобии» или «шовинизме» русского народа, поскольку жало насмешки часто бывает направлено не против инородцев, а против своих же: ярославец посмеивается над орловцем, житель Центральной России – над чалдоном, казак над кацапом и т.д. Для правильной оценки устного фольклора о жидах, татарах, чухонцах, цыганах, пермяках, станишниках, попах, хохлах, – надо помнить о таком характерном качестве русского народа, как веселость, любовь к незлобивой шутке и добродушному поддразниванию. И лучший ответ на эту дружескую подначку – не становиться в позу оскорбленной добродетели, а так же добродушно посмеяться над самим «обидчиком».

Проблемы безопасности в современном обществе – это самый важный вопрос и настоящего, и будущего человечества. В

---

[3]. Снегирёв И.М. Обозрение пословиц / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю.Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 133-140.

вопросах безопасности как национальной, так и общечеловеческой, в провоцировании и/или зарождении межнациональных и межкультурных конфликтов язык играет гораздо более серьезную роль, чем может показаться. Свидетельства ингерентно заложенных в языке ксенофобии и агрессии имеются в одном из возможных источников: в пословицах. **Пословицы** также «вносят свой вклад» в фиксирование и распространение агрессии и ксенофобии, поскольку – увы! – они часто также оказываются заминированными политнекорректностью и ведут к агрессии и вражде.

Русские пословицы *снявши голову, по волосам не плачут, в доме повешенного не говорят о веревке* звучат стерто и привычно для взрослых носителей языка, но в них тема убийства проявлена вполне открыто.

Итак, во многом именно **язык, несущий в себе огромный заряд культуры, идеологии, системы ценностей, образа жизни, отношений между людьми** играет – увы! – определенную роль в развитии агрессии и ксенофобии в человеке и является одной из причин межнациональных и межкультурных конфликтов. (С.Г.Тер-Минасова) [4]

По словам Э.Гуссерля, «как бы ни были враждебно настроены по отношению друг к другу европейские нации, у них всё равно есть внутреннее родство духа, пропитывающее их и преодолевающее национальные различия». (Э.Гуссерль) [5]

Общее сближает народы, позволяет увидеть и понять неповторимость культуры, традиций, предопределяет уважительное отношение к государству и его народу.

Человеческая культура, социальное поведение и мышление, как известно, не в состоянии существовать без языка и вне языка. Мышление и мыслительные реакции содержат заложенные в них и оценочные отношения, и соответствующие им смысловые ориентации деятельности.

---

[4]. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Издательство Московского университета.2008. – с.259.

[5]. Гуссерль Э. Амстердамские доклады /Феноменологическая психология. http://anthropology.rinet.ru/old/5/gusserl_amster.html.

Давно замечено, что мудрость и дух народа проявляются в его пословицах, а знание пословиц того или иного народа способствует не только лучшему знанию языка, но и лучшему пониманию образа мыслей и характера народа.

Пословица есть кратко и точно сформулированный итог долгого опыта, итог впитывания прошедшего.

Частотность и ситуативность употребления пословиц в современной речи у китайцев-русистов

Пословица определяется как меткое, краткое, выразительное изречение, несущее глубокий поучительный смысл, имеющее назидательный характер, заключающее в себе народную мудрость, многовековой жизненный опыт народа.

Анализ частотности и ситуативности употребления пословиц в современной речи у китайцев-русистов даёт положительные результаты. Наиболее употребительными в настоящее время являются пословицы на темы «Народная мудрость, советы», «Труд, работа» и «Нравственность, человеческие качества». Менее употребительными оказались пословицы на темы «Дружба», «Ответственность», «Ум, знания», «Семья», «Родина, храбрость, патриотизм». Можно предположить, что это объясняется именно ситуативной обусловленностью бытования пословиц: в современной речи пословицы в основном употребляются с целью констатации каких-либо закономерностей («Больше брюха не съешь», «Чем богаты, тем и рады», «На воре шапка горит» и т.п.), регулирования поведенческих норм («На чужой каравай рот не разевай», «От добра добра не ищут», «Любишь кататься, люби и саночки возить», «Родину, как и родителей, на чужбине не найдёшь» и др.), предписания типа образа действий, приводящего к нужному результату («Семь раз отмерь, один раз отрежь», «Учись доброму – худое на ум не пойдёт», «Утро вечера мудренее», «Едешь на день – бери на неделю» и др.).

Кроме того, определённую роль играет и возраст и личный опыт людей. Так, например, темы «Дружба» и «Ум, знания» преобладали в пословицах, приведённых в качестве примеров студентами, а также аспирантами, педагогами. Тема «Родина, храбрость, патриотизм» встретила в пословицах,

указанных старшим поколением. Пословицы на темы «Семья», «Ответственность» используются респондентами всех возрастных и социальных категорий.

Китайцы-русисты осознают ценность пословиц и считают их употребление в речи необходимым. Большинство современников достаточно чётко понимают, какое важное значение имеет использование пословиц в речи, и выражают своё желание знать как можно больше пословиц. Активнее пользуются пословицами и знают значительное их количество люди зрелого и пожилого возраста. Подростки и молодёжь в этом плане уступают им, что, возможно, объясняется как меньшим их жизненным опытом, так и бедностью их словаря. Но важно то, что молодое поколение не только не отрицает огромной роли пословиц, но и приветствует их активное функционирование в современной речи.

Заключение

«Мы учим русскому народному языку на пословицах, ибо лучшего народного языка, чем тот, который сохрaнён в пословицах, не знаем». (К.Д.Ушинский) [6]

«Грамматика не только могла бы и должна бы многому научиться у пословиц, но должна бы быть по ним вновь перевёрстана... Кто бы взялся рассмотреть пословицы и поговорки в этом отношении, тот написал бы претолстую и преполезную книгу». (В.И.Даль) [7]

«Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой пословице нашей, что за золото!». (А.С.Пушкин) [8]

Пословицы, являясь частью культуры данного народа, всегда оставались и останутся актуальными. В любое время пословицы будут характерной чертой данного народа, объектом внимания и исследования.

---

[6]. Ушинский К.Д. Педагогические соч. в 6-ти т. — Т. 2. — М., 1988. — С. 30.

[7]. Даль В.И. Пословицы русского народа. — М.: Издательство Эксмо, Изд-во ННН, 2003.

[8]. Пушкин А.С. http://www.tepka.ru/literatura_7/8.html

Лингвокультурологический анализ пословиц неразрывно связан с внешними факторами: с историей страны, ее культурой, бытом и т.д. Исследование пословиц в лингвострановедческом аспекте помогает уточнить, а в ряде случаев установить дополнительные смысловые оттенки пословиц с национально-культурной семантикой.

Изучение фольклора, пословиц в том числе, важно для развития многих наук. К пословицам обращаются лингвисты, историки, психологи, социологи. Упорядочивание, накапливание знаний в этой области необходимо для укрепления национальной науки и культуры.

Пословицы являются неотъемлемым атрибутом народного фольклора и несут в себе отражение жизни той нации, которой они принадлежат, заключая в себе образ мыслей и характер народа, более того, его национальный менталитет. В пословицах отражён богатый исторический опыт народа, представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей. Правильное и уместное использование пословиц придаёт речи неповторимое своеобразие и особую выразительность.

Пословица – самоценное высказывание. Оно несёт в себе безусловную истину и без применения к жизненной ситуации. Пословица – это не характеристика. Пословица не определяет лицо, действия, обстоятельства, а несёт в себе некий нравственный закон, безусловный для любого человека. Её действие распространяется не на конкретное событие, а на весь срок человеческого существования. Это народная «заповедь», которой должны следовать все люди.

Все эти выводы сделаны на основании не только теоретических исследований, но и результатов практической работы по изучению условий современного использования пословиц. Проведённый социолингвистический анализ показал правомерность всех вышеуказанных умозаключений о непреходящей значимости пословиц в современном языке и необходимости неустанного обращения к этому глубочайшему пласту народной мудрости и творчества.

Таким образом, пословицы и в современной речи не теряют своей актуальности и могут определять духовные и

мировоззренческие ценности общества и личности как универсальное средство отражения национального менталитета.

Литература

1. Аникин В.П. Русский фольклор. – М.: Высшая школа, 1987.
2. Аникин В.П. Русские пословицы и поговорки. – М.: Художественная литература, 1998.
3. Аникин В.П. Русское устное народное творчество. – М.: Высшая школа, 2001.
4. Большой русско-китайский словарь. Издательство «Коммерция» - Пекин, 1992. Издательство Московского университета. 20082.
5. Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Москва, 1990.
6. Головин Б.Н. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1983.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.
8. Даль В.И. Пословицы русского народа. Издательство ЭКСМО, Издательство ННН, Москва, 2003.
9. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 1998.
10. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.
11. Мокиенко В.М., Образы русской речи. М., 2009.
12. Маслова В.Л. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
13. Снегирёв И.М. Обзорение пословиц / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю.Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003. – С. 133-140.

14. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Издательство Московского университета. 2008.
15. Шевырёв С.П. Пословицы русского народа / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю.Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003.
16. Шолохов М.А. Сокровищница народной мудрости / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю.Г. Круглова. – М.: Высшая школа, 2003. Алимуратов, О.А., Лату, М.Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) / О.А. Алимуратов, М.Н. Лату // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1-2 (1). – С. 6-13.

Хасанова Зарета Салиховна
Zareta Khasanova

Основные виды семантических оппозиций, реализующихся в рамках англоязычной терминосистемы сферы искусства

The main types of semantic oppositions realized within the framework of the English terminological system of the sphere of art

Аннотация: Статья посвящена изучению семантических оппозиций, реализующихся в терминах изобразительного искусства. Такой подход к анализу терминов рассматриваемой сферы помогает наиболее подробно раскрыть закономерности терминодеривации, понять, в какой коммуникативной ситуации применим тот или иной термин, а также раскрывает значение термина с точки зрения парадигматических отношений между ними.

Abstract: The article covers the study of semantic oppositions, implemented in terms of art. Such an approach to the analysis of the terms of this sphere helps to reveal in detail the patterns of term derivation, to understand in which communicative situation a particular term is applied. The study of semantic oppositions also reveals the meaning of terms from the point of view of paradigmatic relations between them.

Ключевые слова: термин, изобразительное искусство, семантика, терминосистема, семантическая оппозиция, тематическая группа

Key words: term, visual art, semantics, terminology, semantic opposition, thematic group

Как известно, термин является своего рода выразителем научного знания, которое, в свою очередь, репрезентировано в семантической структуре термина [13, с. 17]. З.И. Комарова отмечает в этой связи: «Семантика термина в очень большой степени обусловлена его местом в системе понятий данной области знания, и поэтому значение каждого отдельного термина координировано значением других терминов этой же системы» [9, с. 25]. Отсюда следует, что «на семантику термина оказывает влияние, прежде всего, системность классификационная, т.е. его принадлежность к одной из категорий. Обладая этой системностью, термин определяется и особым характером отношений внутри классификационных рядов, и – в первую очередь – иерархической структурой» [9, с. 25; 14].

По мнению А.Н. Письмиченко, «...терминообразование идет в русле основных законов словообразования английского языка. Специфика терминосистемы – в «избирательности» использования тех или иных средств» [11, с. 27]. Изучение семантики термина поможет наиболее подробно раскрыть закономерности терминодеривации, понять, в какой коммуникативной ситуации тот или иной термин применим [11, с. 27].

Семантическое моделирование исследуемых терминоединиц проводилось нами на материале выборки терминологических единиц, разделенной на тематические группы с точки зрения семантической структуры и семантических особенностей терминов изобразительного искусства. С.В. Гринев-Гриневиц справедливо называет такие тематические группы семантическими полями и отмечает, что группировка лексических единиц в такого рода поля является одним из наиболее наглядных способов представления организации знаний в языке. Под семантическим полем, по мнению автора, принято понимать фрагмент действительности, (в нашем случае – фрагмент профессиональной картины мира), выделенный в человеческом опыте и имеющий в языке соответствие в виде относительно автономной лексической подсистемы [8, с. 209; 14]. В составе исследуемых нами

терминологических единиц не представляется возможным выделить термины со стертой мотивацией, т.е. первичные термины, это связано с тем, что большое количество терминов изобразительного искусства в английском языке заимствованы из других языков. Таким образом, в нашем понимании терминология изобразительного искусства во многом вторична, т.е. построена на заимствованиях [4, с. 27; 14].

В контексте анализа семантики терминов изобразительного искусства нам представляется необходимым рассмотрение семантических оппозиций, реализующиеся в терминах этой сферы. Мы считаем изучение данных отношений необходимым, так как оно раскрывает значение терминов с точки зрения парадигматических отношений между ними. Соответственно, вполне логично констатировать, что «изучение семантических оппозиций в терминологии является одним из продуктивных путей проникновения в системную сущность языковых и, в частности, терминологических явлений» [10, с. 25]. Ненапрасно ученые говорят о фактической и косвенной (имплицитной) оппозициях [1-7; 12 и др.], так как в некоторых случаях в сфере научного или профессионального знания противопоставление двух или более специальных понятий бывает неявным, или оно подразумевается, т.к. взаимосвязи между структурами научного / профессионального знания могут находиться в процессе выработки или закрепления. Косвенные семантические оппозиции представляются особенно ценными для анализа динамики терминосистемы, поскольку они позволяют спрогнозировать ее «точки роста», т.е. основные направления, по которым следует ожидать приращения терминофонда [14].

В данной связи нам также представляется необходимым упомянуть о явлении лакунарности в системе профессионального знания. Существование лакун в сфере изобразительного искусства можно выявить при рассмотрении именно семантических оппозиций. Так, например, если существуют термин *neo-romanticism* со значением «неоромантизм, направление в художественной культуре конца XIX – начала XX в., связанное с возрождением и развитием идей романтизма», то в качестве оппозиции к нему напрашивается термин с

противоположной семантикой. Такая необходимость вызвана тем, что если появился *neo-romanticism*, то приверженцы романтизма, которые не меняют свои принципы в искусстве, становятся представителями «устаревшего» романтизма, т.е. *old romanticism*. То же самое можно сказать и о терминах *neo-impressionism* – неоимпрессионизм, течение в живописи, приверженцы которого использовали в своем творчестве выводы научного цветоведения; *neo-expressionism* – неоекспрессионизм, направление в современной живописи, возникшее в Европе как реакция на концептуальное и минималистическое искусство. Ноекспрессионисты вернулись к образности, фигуративности, живой и эмоциональной манере, ярким насыщенным цветам [14; 15].

В ходе анализа терминологической выборки установлено, что семантические оппозиции встречаются в трех тематических группах терминов изобразительного искусства, таких как «Направления искусства», «Инструменты/материал художника, его действия», «Картины и их описание» и составляют 17,5 % всей выборки английских терминов изобразительного искусства (всего нами было изучено более 2000 терминов данной сферы) [14].

Рассмотрим примеры.

Тематическая группа «Направления искусства» (8 % от выборки):

- однокомпонентные термины с префиксацией, для которых семантическая оппозиция является *косвенной*:

- *classicism* – классицизм, направление в искусстве, приверженцы которого придерживаются строго установленных правил в создании произведений; *neoclassicism* – приставка *нео*-указывает на вновь возрожденный стиль классицизма, который в некоторых случаях становится синонимом романтизма, ранее являвшегося его антонимом [14; 15];

- *romanticism* – направление в искусстве, которое славится свободой самовыражения; *neoromanticism* – направление в художественной культуре конца XIX – начала XX в., связанное с возрождением и развитием идей романтизма, переходящего в модернизм [14; 15];

- двухкомпонентные термины с префиксацией – $A_j + N$ (косвенная оппозиция):

- термины *classical art* – классическое искусство и *academic art* – консервативное искусство семантически противопоставляются термину *modern art* – современное искусство. Представители первых двух упомянутых направлений не приемлют современной свободы воображения при создании картин [14; 15]. Неизменным остается семантическое ядро *art*, меняется периферийная область семантики, которая придает терминам новый, зачастую противоположный смысл. Вместе с тем, следует признать, что в сопоставляемых парах классифицирующие терминыэлементы (вербализаторы семантической периферии) не являются «строгими» антонимами, вследствие чего вся семантическая оппозиция признается нами косвенной;

- двухкомпонентные термины с префиксацией – $A_j + N$ (прямая оппозиция):

- *objective art* – объективное искусство, т.е. картины, на которых изображена действительность окружающего мира; *non-objective art* – необъективное искусство, искусство, которое не относится к изображению видимого мира [14; 15]. Как видно из трактовки направлений искусства, их отличительной чертой является отношение к изображаемой действительности, и именно оно кладется в основу построения семантической оппозиции;

- *objective abstraction* – объектная абстракция. Термин используется для описания работ различных художников, которые экспериментировали с приданием лиричности обычным предметам за счет различных цветов; *non-objective abstraction* – необъективная абстракция, в противоположность объектной абстракции представители данного направления избегают придания картинам излишней красочности [14; 15].

Тематическая группа «Инструменты/материал художника, его действия» (7 %):

- трехкомпонентные термины – $V + Prep + N$ с косвенной оппозицией:

paint from nature – «писать с натуры»; *paint from memory* – «писать по памяти» [5]. В данном примере семантическая оппозиция проявляется неявно, лишь в предпочтении художника

при выборе предметов для изображения: в первом случае это предметы из реальной действительности, а во втором – запечатлевшийся в памяти сюжет [14].

Тематическая группа «Картины и их описание» (2,5 %):

- двухкомпонентные термины с прямой оппозицией –

Prep + N:

- *in the background* – на заднем плане [15]; *in the foreground*

– на переднем плане [15].

Проведенный анализ выборки показал, что в сфере терминологии изобразительного искусства семантическая оппозиция является действенным фактором, влияющим на образование новых, противоположных уже существующим терминам, единиц данной сферы, а также выявляет лакуны, что подготавливает почву для появления новых, еще не существующих терминов.

Литература

1. Алимуратов, О.А. Концепт и лингвистическая семантика. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций [Текст]: монография / О.А. Алимуратов. Saarbrücken: LAP LAMBERT, 2011. 316 с.
2. Алимуратов, О.А., Лату, М.Н. Особенности моделирования семантики терминоединиц. терминологические оппозиции (на материале англоязычной военной терминологии) [Текст] / О.А. Алимуратов, М.Н. Лату // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 3. – С. 6-15.
3. Алимуратов, О.А., Лату, М.Н. Особенности терминологической номинации: когнитивно-семантический подход (на материале китайской и английской терминологии боевых искусств) / О.А. Алимуратов, М.Н. Лату // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2008. – № 1-2 (1). – С. 6-13.

4. Алимуратов О.А., Лату М.Н., Раздубев А.В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий): монография. Пятигорск: СНЕГ, 2011. 112 с.
5. Андриевская, В.Ю., Докуто, Б.Б., Раздубев, А.В. Семантические модели терминоединиц фундаментальной и прикладной терминосистем современного английского языка (сравнительный анализ на примере терминосистем нанотехнологий и газодобычи) [Текст] / В.Ю. Андриевская, Б.Б. Докуто, А.В. Раздубев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 9-1 (51). – С. 29-34.
6. Горбунова, Н.Н. Транстерминологизация, полисемия, омонимия и трансдисциплинарность терминологических единиц: аспекты корреляции и разграничения [Текст] / Н.Н. Горбунова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 183-189.
7. Горбунова, Н.Н., Багиян, А.Ю., Докуто, Б.Б., Раздубев, А.В. Некоторые структурно-семантические особенности англоязычных терминов сферы финансового менеджмент [Текст] / Н.Н. Горбунова, А.Ю. Багиян, Б.Б. Докуто, А.В. Раздубев // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2017. – № 3. – С. 29-38.
8. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
9. Комарова, З.И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание [Текст] / З.И. Комарова. – Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1991. – 156 с.
10. Лату, М.Н. Англоязычная военная терминология в ее историческом развитии: структурно-семантический и когнитивно-фреймовый аспекты [Текст] / М.Н. Лату: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Ростов-на-Дону, 2009. – 222 с.

11. Письмиченко А.Н. Основные проблемы генезиса, становления и развития английской строительно-индустриальной терминологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Киев, 1984. 176 с.
12. Раздубев, А.В., Лазько, А.Ю. Субституция нанотехнологических терминов в тексте и дискурсе (на материале современных английского и испанского языков) / [Текст] / А.В. Раздубев, А.Ю. Лазько // Филология: научные исследования. – 2018. – № 4. – С. 103-118.
13. Федюченко, Л.Г. Когнитивное моделирование учебного и научного текста [Текст]: монография / Л.Г. Федюченко. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – 159 с.
14. Хасанова, З.С. Хакиева, З.У. Семантические модели и семантические оппозиции, реализующиеся в корпусе англоязычных терминов сферы изобразительного искусства // Филологические науки. Тамбов: Грамота, 2017. № 6 (72). Ч. 3. С. 168-172.
15. Abbyu Lingvo X3 ME [Электронный ресурс]: словарь. CD-ROM.

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ

Тер-Минасова Светлана Григорьевна
Svetlana Ter-Minasova

Национальные языки и культуры в глобализирующемся мире: английский язык и культура в русском языке

National Languages and Cultures in the Globalizing World: The English Language and Culture in Russian

Аннотация: Работа посвящена изменениям в русском языке, культуре и менталитете под мощным влиянием английского языка как глобального.

В наше время это вопрос острый и злободневный в мировом масштабе, потому что он касается судеб национальных языков и культур в глобализирующемся мире. Соответственно, эта ситуация беспокоит многие страны и народы, но у России и русских, как обычно, «особенная статья» (по словам Тютчева), потому что открытый, острый интерес к иностранным – европейским – языкам и культурам, усиленный эффектом запретного плода в эпоху Железного занавеса в Советском союзе, по-видимому, свойственен русскому национальному характеру.

В статье рассматриваются как негативные, так и позитивные результаты влияния английского языка как глобального на русский язык и культуру.

Abstract: This paper focuses on the contemporary changes in the Russian Language, culture and mentality caused by the massive intrusion of English as the global language.

Generally speaking, this issue is very topical and urgent nowadays world-wide, because it concerns the situation with most national languages and cultures in the globalizing world as the result of the pressure of English as the global language. This situation is widely discussed all over the world but Russia as usual “has a particular status” (by Tyutchev’s words) because an open keen interest in foreign – European – languages and cultures increased by the forbidden fruit effect during the era of “Iron Curtain” in the Soviet Union, seems to be intrinsic to the Russian character.

The paper discusses both negative and positive consequences of the influence of English as the global language upon the Russian language and culture.

Ключевые слова: язык, культура, влияние, изменения, негативные, позитивные

Key words: language, culture, influence, changes, negative, positive

This paper focuses on the contemporary changes in the Russian mentality and culture caused by the sudden massive “intrusion” of English into the Russian language, culture, and life. The impact of English-American culture via the English language in its various forms and from various sources (mass media, advertisement, the Internet etc.) on Russian culture can be seen in different spheres. The

most striking and evident changes have been taking place in the sphere of business.

There is nothing new to us about this phenomenon. Such things happened in the past. A special, very keen interest in foreign (always implying coming from Western Europe) languages and, consequently, cultures is such a habitual and typical feature of Russian educated circles that it may be regarded as a feature of the Russian National Character. In 18th century Russia, for example, German was very popular with Russian aristocrats (which, in those days, meant the educated circles of society). In the 19th century in the same circles the French language ousted not only German as a foreign language, but even, to some extent, Russian. The influence of a language implies the influence of the culture the language is loaded with. Consequently, as language and culture are intertwined, the promotion and dominance of a foreign language (nowadays, undoubtedly, English) inevitably results in promotion of a foreign culture and ideology. Thus, English as a global language imposes English-American (increasingly, American now) traditions, value systems, mentality, way of life, etc. Not infrequently the cultural-ideological loading of the language contradicts the local national culture. The impact of the secret forces of culture is gradual, almost unnoticeable and, therefore, much more efficient than any means of open pressure.

The process of changes in Russian culture taking place under the influence of the English language has been going on for more than thirty years, and some striking results can be shown.

Changes in the Russian language and culture occurring due to the influence of English, are quicker and more evident in the field of business than in any other sphere.

In business Russian the very traditional Russian form of address by first name and **patronymic** is disappearing from speech and business cards due to imitation of the western pattern. Indeed, from time immemorial, a patronymic as a middle name “derived from the name of a father or ancestor” (The Shorter Oxford English Dictionary) has been used as an official respectful form of addressing older or more important people (*Grigory Ivanovich, Svetlana Grigorievna*).

Nowadays a patronymic is hardly ever utilized in business Russian, business cards giving only the first names and family names.

Another cultural borrowing concerning names is the new fashion of giving the initial of a father's name instead of patronymic (Anna A. Ivanova) and of using two or more first names (Anna-Natalia Malakhovskaya; Oleg Roman David Kuznetsov).

In the Russian tradition of letter-writing it was obligatory that the opening greeting of the addressee be followed by an exclamation mark !. I remember very well how shocked I was many years ago in the Soviet Union when I got my first letter from "a capitalist country" where my first ever American friend wrote to me "Dear Svetlana," with a comma. I was hurt: "Why? What had I done to be humiliated with a common comma instead of being greeted with a proud exclamation mark?! I was even more surprised when in her second letter she asked me why I had put an exclamation mark after her name.

Nowadays, a comma after the name of an addressee is regular practice in Russian business letters. In ordinary letters young people use more and more often the internet smiley sign :) instead of our dear old exclamation mark. Thus, the Russian language is becoming less emotional than it used to be, and more business-like and reserved which may lead to a change in the Russian national character in the not so distant future.

The Russian inclination to be openly emotional and affectionate, expressed and reflected by the Russian language through a great stock of diminutive affectionate suffixes, may be illustrated by the Russian word *смайлик* (*smilik*) for the above-mentioned Internet icon. In the Russian version a popular and frequently used word *smile* is decorated with a Russian affectionate suffix *ik* which seems quite appropriate because smiling is a very nice thing (and, not so usual in Russia, to put it mildly). Another Russian word *беджик* comes from the English word *badge* + *ik* as a most commonly used diminutive affectionate suffix. More than that, even a collocation *free love* has been turned into a word: *freelovechik*.

One more present-day Russian language and culture novelty which is becoming increasingly widespread under the influence of English is the flood of various kinds of abbreviations which are meant to facilitate communication, but often prevent it.

Just a few examples: A Russian company exporting timber called by the acronym *Экспортлес* (*Exportles*, *лес* [*les*] meaning

timber and/or wood) used *Exportless* as the English variant of its name which sounds like *no export* or *so bad it can't be exported*.

Another example of an unfortunate abbreviation borrowed from English comes from scientific texts. The abbreviation which had always been used to introduce illustrations, schemes, drawings, etc.: *ris.* comes from the Russian word *risunok* (picture, drawing). Now under the influence of English Russian scientists use the abbreviation *fig.* from *figure* – *a picture or drawing often numbered, in a book or other document* (CIDE, 1995, p. 517). Unfortunately, spelt in Russian, it looks vulgar and ludicrous – *фиг. 1, фиг. 2* – because the Russian meaning of the word is – (coll.) *gesture of derision or contempt, generally accompanying refusal to comply a request* (The Oxford Russian – English Dictionary, OUP, 1985, p. 311).

One more striking example is the abbreviation of the All-Russia Olympiad for high school graduates – «*Всероссийская олимпиада школьников*» – *ВОШ*, which sounds like a *louse* in Russian.

The number of English abbreviations as well as Russian abbreviations translated into English (like the one above), as well as just Russian abbreviations is growing so fast that various Dictionaries of abbreviations are being published in this country. For example, the very useful and widely used *English-Russian Dictionary of Abbreviations of Educational Terms* by Galina Lovtsevich (Г.Н. Ловцевич. *Англо-русский словарь аббревиатур терминов лингводидактики*. Владивосток, 2009.).

Another example of changes in the Russian language and culture comes from the field of translation. The flood of English written and spoken books, films, magazines, newspapers, TV and radio broadcasts demands immediate translation – the sooner the better, the more profitable, especially in the case of books and films. The combination of greedy publishers and film distributors with incompetent and equally greedy translators, who are often not properly controlled or edited by no one, results in a lot of harm for both languages, but more so for Russian.

This problem is best illustrated by the translations of proper names in literature, bilingual English-Russian dictionaries and encyclopedias. Proper nouns have been chosen as an example of dangerous changes in the Russian language and culture because, more than other words, they are loaded with a cultural component. Indeed,

proper nouns – mostly anthroponyms (names of people) and toponyms (geographical names) – compose a significant part of language's socio-cultural context and the language picture of the world, not least because they are *p r o p e r*, that is, they signify “individual objects without reference to their features” (Olga S. Akhmanova, *Dictionary of Linguistic Terms*, Moscow, 1996, 2004, p. 175).

Accordingly, the translation of proper nouns in bilingual dictionaries requires, strange as it may seem, a great deal of caution, effort, and knowledge of the cultural background in general. Proper nouns are a very important **national component** of both the language and culture pictures of the world, and for this reason they are a powerful defense weapon for **national identity**.

The ‘military’ metaphor comes from the title of my book *War and Peace of Languages and Cultures* discussing the idea that language is not just a barrier separating peoples but also – and more importantly – a shield defending the national identity of ‘its people’, that is, the people using it as a means of communication.

The role of proper names in the language and – especially – culture picture of the world cannot be overestimated. One little example illustrating how a proper name reveals both the culture picture and the changes it has undergone. The sociocultural position of women in Old Rus becomes clear from the fact that in those days a woman seems to have been nameless as she was addressed by her patronymic and not by her first name... In the famous Russian epic *The Song of Igor's Campaign* (immortalized by Borodin's opera *Prince Igor*) Igor's wife is called Yaroslavna which is her patronymic, that is, a derivate from Yaroslav, her father's name. Thus, the prince was known as Igor, and his wife as Yaroslav's daughter.

The careless handling of proper nouns — both anthroponyms and toponyms — can inflict significant damage on meaning, historical truth, pictures of the world, and communication in general. In other words, the non-recognition or inaccurate rendering of proper nouns can cause setbacks in communication and instead of bringing people closer together, will divide them.

Such examples as *Джон Бантисм* (*John the Baptist*) instead of Иоанн Креститель (Joann the Baptiser) and *Мэри дочь короля Генри* (*Mary, daughter of King Henry*) instead of *Мария Кровавая/Мария I, дочь Генриха VIII* (*Mariya Krovavaya – Blood*

Mariya or Mariya I, daughter of Henrykh VIII) in addition to testifying to the ignorance of the translators and authors of dictionaries and encyclopedias, also deform and distort the Russian cultural and linguistic pictures of the world, which is much more serious and dangerous.

So far in my brief survey of the recent changes, problems and challenges caused by the ever-increasing penetration and influence of English, I have concentrated mostly on the “losses” to the Russian language and culture. However, to be fair, I must do justice to **the positive side of this influence**. I can see it, mainly in the very important field of communication style which is becoming more polite and civilized.

The habitual orders of the Soviet years telling what to do, how to behave, how to live were expressed invariably in very direct (and, actually, rude, as we realize now) imperative forms, i.e., verbal infinitives which are used to give orders to dogs and soldiers: *стоять!* (*to stand!*), *бежать!* (*to run!*), etc. Soviet public rules and regulations were linguistically expressed in the same way: *не курить* (*don't smoke – not to smoke*), *не сорить* (*don't litter – not to litter*), etc.

The new, much more decent and polite manner of administrative talking to people has come to a New Russia as a pleasant surprise. Nowadays, our “good old” order *не курить* (*don't smoke!*) is replaced by a variety of polite appeals: *у нас не курят* (*we do not smoke here*), *спасибо, что вы не курите* (*thank you for not smoking here*). *Don't litter* is sometimes expressed in a moralizing way: *Clean is not where you sweep, clean is where you do not litter*.

Another polite way in the field of addressing the public is the appearance of apologies for “temporary inconvenience” at building sites etc.

This tendency to be direct and outspoken (or rather just plain rude) in all spheres of life is humorously presented by the internet “Russian-English Dictionary of Business Communication” (no authors given). This humour – alas! – is still pretty true to life. However, laughing at our negative features is a good and promising thing.

Русско-английский словарь по деловому общению:

Russian	English Translation
1. Вы читать умеете? <i>Can't you read?</i>	1. You can find this information below.
2. Неужели так сложно подписать документ там, где нужно. <i>Surely it is not that complicated to sign the documents in the right place?</i>	2. Please sign in the place marked with yellow sticker.
3. Мы лучше сделаем это сами. <i>We'd rather do it ourselves.</i>	3. Thank you for your kind assistance.
4. Я уже сто раз вам это присылал. <i>I have already sent it to you at least a hundred times.</i>	4. Kindly find attached.
5. У нас не те масштабы, чтобы возиться с вашей мелочью. <i>In view of the scale of our operations, the peanuts you have to offer are of no interest to us.</i>	5. We would be happy to offer you the most favourable conditions on a case-to-case basis.
6. Ой-ой, напугал! <i>Wow, am I scared!</i>	6. We regret to know that you are not satisfied with our services.

Another sphere of communication where the influence of English can be seen very vividly is that of advertising. This whole field has been quite an eye-opener in Post-Soviet Russia because in the years of shortages and deficits there was obviously no place for advertising: it would only irritate people by reminding them of things they could not get.

There were two advertisements which I could see from my window all my Soviet life. One was “*Fly Aeroflot*” – an imperative ordering me to use the one and only airline that existed in the country. The other ad. gave me a different order “*Buy oranges from Morocco!*”. Oranges were a very rare thing even in Moscow to say nothing of the great country outside the capital. Whenever occasionally they appeared on sale, usually before the New Year, the people standing in long queues couldn’t have cared less about their origin.

The New Russia era began with a flood of advertisements distorting the Russian language and culture with poor translations, and the Russian mentality – with alien values of alien cultures. It was a kind of cultural AIDS as we had not been immunized against this new phenomenon in our social life.

One more – last but not least – example of the positive influence of English on Russian is the change in the style of academic writing. Before the Perestroika in the early 1990’s, academic papers were written in a very rigorous, deliberately impersonal style. This was achieved by many stylistic devices: an abundant use of Passive Voice, a strict prohibition of the use of *I* which corresponded to the Russian collectivist culture. The so-called “modest *we*” (русское “*мы скромности*”) was substituted for *I* even when the paper was done by a single author. Now, under the influence of English the situation is changing, and academic papers, especially those meant for educational purposes, are written in a more free and attractive, easy-to-understand way. *I* appears more and more frequently, and this paper is evidence of this new trend.

I feel very positive about this change because, first, *I* establishing closer contact between the author and the reader or listener, ensures greater efficiency of communication, and, second, the modest *we* is a good way to hide one’s personal responsibility for what has been said or written while using *I* makes one fully responsible for the content of the paper.

This is a brief account of the ever-growing present-day influence of English on the Russian language and culture, every example of which requires a book of its own. It has been written by a Russian academic, “advanced in years”. The young in Russia, probably see the process and its results in a somewhat different way.

Литература

1. Akhmanova, Olga. Slovar' lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms / In Russian]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1966. Reprint: Moscow: Editorial-URSS, 2004.
2. Lovtsevich, Galina. Anglo-russkiy slovar' abbreviator terminov lingvodidaktiki [English-Russian Dictionary of Abbreviations of Educational Terms / In Russian]. – Vladivostok: Far Eastern University Press, 2009.

СПИСОК АВТОРОВ

Бахтуева Евгения Станиславовна – аспирант 3-го года обучения факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: evgeniya.bakhtueva@gmail.com

Беляков Михаил Васильевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО–Университета МИД России.

E-mail: belmax007@hotmail.com

Борисова Любовь Ивановна – доктор филологических наук, профессор Московского государственного областного университета.

E-mail: kaf-perevod@mgou.ru

Данилова Дарья Дмитриевна – студентка факультета филологии и коммуникации Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

E-mail: da6uka.d@yandex.ru

Касаткина Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, PhD, заведующая кафедрой иностранных языков гуманитарных факультетов Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

E-mail: ninet75@mail.ru

Ли Ан (Ang Li) — master of Russian language and literature, associate professor, Guangdong University of Foreign Studies (GDUFS)

E-mail: angli@mail.ru

Крюкова Ольга Павловна – доктор филологических наук, профессор, член диссертационного совета МГОУ.

E-mail: keepsmiling@mail.ru

Свиридова Лариса Константиновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры методики преподавания иностранных языков МПГУ.

E-mail: sviridova.l.k@hotmail.com

Тер-Минасова Светлана Григорьевна – президент-основатель Национального общества прикладной лингвистики, доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

E-mail: president@ffl.msu.ru

Хасанова Зарета Салиховна – старший преподаватель кафедры английского языка Чеченского государственного университета.

E-mail: khasanova_zareta@mail.ru

Телефон: +7 (928) 740-39-87

Хроменков Павел Николаевич – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики ИЛиМК МГОУ.

E-mail: geleiter@gmail.com

Шевырдяева Лилия Николаевна– кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для естественных факультетов, факультет иностранных языков и регионоведения, Москва, МГУ имени М.В.Ломоносова.

Е–mail: lshevyrdyaeva@gmail.com

Телефон: +7 (926) 552-58-56

Уважаемые коллеги!

Национальное общество прикладной лингвистики (НОПриЛ) сообщает о начале приема статей для следующего номера научно-исследовательского журнала «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)».

В журнале публикуются статьи, рецензии и библиографические обзоры, информация о конференциях, семинарах и круглых столах по следующей тематике:

1. Теория и практика преподавания языков на всех уровнях
2. Устный и письменный перевод
3. Лексикография
4. Терминоведение и терминография
5. Социолингвистика
6. Психолингвистика
7. Язык средств массовой информации
8. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация
9. Стилистика и анализ дискурса
10. Информационно-коммуникационные технологии в прикладной лингвистике
11. Языковая ситуация в различных регионах мира.

О журнале

Научный журнал «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» освещает результаты исследований в разных областях гуманитарного знания, связанных с изучением языка в его прикладных аспектах и на широком фоне культурной, социальной, политической жизни народов, на нем говорящих, т.е. «мира изучаемого языка», без знания которого невозможно ни международное, ни межкультурное общение.

Издание зарегистрировано в **Международном центре ISSN**, входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре), Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-52630 от 25 января 2013 года.

Каждый из выпусков журнала направляется в Российскую книжную палату, которая осуществляет рассылку журнала

«Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики (НОПриЛ)» в Российскую государственную библиотеку и другие ведущие библиотеки, образовательные и научные учреждения Российской Федерации.

Качество публикуемых статей контролируется редколлекцией, в состав которой входят ведущие ученые, возглавляющие научные секции Национального общества прикладной лингвистики. Редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить заявку на публикацию по результатам отзывов рецензентов.

Авторы несут ответственность за точность и достоверность содержащихся в их материалах сведений научного и энциклопедического характера.

Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Требования к оформлению статьи

Все статьи, поступающие в редакцию, должны быть оформлены строго в соответствии с требованиями. Статьи, оформление которых не соответствует предъявляемым требованиям, рассматриваться не будут.

В начале статьи предоставляются следующие сведения: фамилия, имя и отчество (полностью) автора (авторов), название статьи, ее аннотация объемом 40–50 слов, ниже отдельной строкой – ключевые слова. Сведения должны быть предоставлены на русском и английском языках.

Андреев Сергей Петрович
Sergey Andreev

Язык представителей хип-хоп культуры: от социолекта к дискурсу

The language of hip-hop culture: from sociolect to discourse

Аннотация. Хип-хоп культура, как и рэп лирика, до недавнего времени находилась на периферии научного знания, как явление «маргинальное», «антисоциальное» и «массовое». Дискурсивный подход, предполагающий рассмотрение текстов в связи друг с другом, а также с явлениями окружающей действительности и социальной реальностью, позволяет сделать анализ комплексным и выявить внутренние закономерности языка отдельной социальной общности.

Abstract. The linguistic features of various subcultures used to be on the periphery of science until recently as something, considered to be “marginal”, “antisocial”, “popular”. As the result of communicative approach and anthropological turn in linguistics this situation has recently changed. In our research we make an attempt to define special features of the language of hip-hop culture taking into consideration the category of discourse.

Ключевые слова: хип-хоп культура, социолингвистика, дискурс, сленг, социолект, текст, рэп.
Key words: hip-hop culture, sociolinguistics, discourse, slang, sociolect, lyrics, rap.

Для подготовки статьи должен использоваться текстовый редактор Microsoft Word и шрифт Times New Roman. Документ должен быть сохранен в формате *.rtf

Поля: по 2 см со всех сторон.

Объем статьи 5 – 8 страниц формата А4, ориентация – книжная. Шрифт – обычный, размер шрифта – 14 пт, междустрочный интервал - 1,5.

Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления».

– т. е. перефокусирование, которое мы рассматриваем как разновидность дефокусирования [Ирисханова, 2010].

Смена функции номинации с не прямой на прямую в тексте применительно к одному референту свидетельствует в пользу того, что такое наименование при повторном использовании способствует конвенционализации или закреплению [Кубрякова, Ирисханова, 2012: 184] его трансформированной структуры. Так, Р. Лэнкер отмечает, что «можно говорить о развертывающейся шкале конвенционализации когнитивного явления. Каждое использование некоторой структуры оказывает положительный эффект на степень конвенционализации, в то время как продолжительные периоды не-использования - отрицательный. Посредством повторного использования окказиональная структура (novel structure) постепенно конвенционализируется...» [Langacker, 1987: 59].

В конце статьи должны быть размещены сведения об авторе (авторах): ученая степень, ученое звание, должность, структурное подразделение, вуз, электронный адрес и контактные телефоны.

Иванов Алексей Павлович - кандидат филологических наук, доцент института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета.

E-mail: alexei_ivanov@yandex.ru,

Телефон: +7-906-754-41-22

По всем вопросам, касающимся публикации статей в журнале «Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики», просьба обращаться на электронный адрес редакционной коллегии журнала limw.editor@gmail.com.

Научно-исследовательский журнал

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА
ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Национальное общество прикладной лингвистики

Коллектив авторов

Подписано в печать 27.11.19. Формат 60х90/16

Заказ № 18. Тираж 1000 экз.

Типография Академии акварели и изящных искусств

art-tipografia.ru

117133, Москва, ул. Академика Варги, 15

Тел.: (495) 531-55-55

academy.andriaka.ru

